ТРИАДА

ОДЕРЖИМОСТЬ ВОЛКА

АГАТЕЯ

18+

Агатея

Триада: Одержимость волка

«Автор»
2026

Агатея

Триада: Одержимость волка / Агатея — «Автор», 2026

— Пожалуйста... помогите! Там... человека... Ножом! За мной гонятся!..Мужчина не перебивал её. Он держал её железной хваткой за талию и с хищным интересом всматривался в испуганное лицо. Иронично: испуганная девчонка искала защиты у того, кто заказал эту казнь. «Интересно...» — хищник внутри замер, поймав пахнущую ванилью добычу.В переулок влетели его люди. Один затормозил:— Вы уже поймали её, босс?Уголки его губ тронула ленивая усмешка. Она искала спасения в темноте — и обняла самого дьявола.Его зовут Дэн. Для всего Острова он — Волк, карающий меч непобедимой Триады, человек без сердца и права на жалость. В его мире случайных свидетелей стирают без следа. Заперев Юлиану в старом маяке на краю штормового океана, он отмерил ей всего две недели жизни. Но он ещё не знает, что эта упрямая «лисичка» не собирается сдаваться без боя — и совсем скоро станет его единственным спасением, его главной уязвимостью и наваждением, ради которого Волк будет готов сжечь дотла весь мир.

© Агатея, 2026
© Автор, 2026

Содержание

ОТ АВТОРА 5
ПЛЕЙ-ЛИСТ 6
ПРОЛОГ 7
ГЛАВА 1 11
ГЛАВА 2 17
ГЛАВА 3 23
ГЛАВА 4 29
ГЛАВА 5 37
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Агатея
Триада: Одержимость волка

ОТ АВТОРА

Привет, мой читатель.

Если ты любишь истории, где между героями с первой страницы летят искры, где опасность ощущается на кончиках пальцев, а главный герой не просит разрешения, когда решает забрать своё — ты открыл правильную книгу. «Триада: Одержимость волка» открывает цикл о трёх мужчинах, связанных общим прошлым, братством и теневым бизнесом. Это законченная история любви Юлианы и Дэна — о страхе и доверии, о праве оставаться собой и о той самой силе, рядом с которой весь прежний мир кажется пресным.

Важно: история содержит сцены 18+, жёсткие криминальные разборки, эмоциональные качели и властного героя.

Желаю тебе незабываемых эмоций на страницах этой книги!

Твоя Агатея

ПЛЕЙ-ЛИСТ

Katie Garfield, Obeds - Who will save you
Jessie Gi Bael - Waking Up (from "Behind Her Eyes")
Daisy Gray - Wicked Game
Агатея - Кто спасет тебя
Тимур Родригез - Без тебя легче
Hidden Citizens, Josh Bruce Williams - The One to Survive
Astyria - Walking on Water
League of Legends, PVRIS - Burn It All Down
Halsey - Control
Агатея - Тоска
Tommee Profitt, Fleurie - Breathe
Arcando, ThatBehavior, Neoni - End Of The World
Bea Miller - Playground (from the series Arcane League of Legends)
МАЯК X - Украсть тебя
OneRepublic, Assassin's Creed, Mishaal Tamer - Mirage (for Assassin's Creed Mirage)
Subtronics, Rezz, Phantogram - Black Ice (feat. Phantogram)
Sophie Hutchings - Empty City
Isak Danielson - Power
YONAKA - Guilty
AU/RA - Outsiders
Katie Garfield - Gallows
2WEI & Edda Hayes — Burn

ПРОЛОГ

Вечерний город дышал сыростью и усталостью, и Джул казалась себе частью этого безрадостного пейзажа. Она возвращалась с работы, едва передвигая ноги. Длинный светлый утепленный тренч, распахнутый настежь, тяжелым облаком хлопал по лодыжкам, а широкие синие джинсы-клеш то и дело цеплялись за мыски массивных ботинок. Под тонкой тканью черной водолазки плечи сводило от глухого напряжения после изматывающего дня. Впереди, словно темное ущелье, зиял знакомый переулок — единственный короткий путь к ее дому. Чтобы добраться до безопасного двора, нужно было преодолеть длинный, узкий проход, зажатый между глухим высоким забором из серых металлических листов и высокой резной оградой какого-то закрытого частного учреждения.

Этот забор состоял из тонких, изящных металлических прутьев, и то, что переулок был полностью просматриваемым, окончательно усыпляло в Джул природную осторожность. Сквозь резные секции была видна ухоженная, залитая мягким светом фонарей внутренняя территория объекта. Казалось, что здесь она не заперта, что она на виду у охраны и случайных прохожих. Но это была иллюзия: прутья стояли настолько плотно, что пролезть между ними было физически невозможно, а внушительная высота ограды не оставляла ни единого шанса её перелезть. Переулок казался открытым, но на деле оставался безупречной железной клеткой. Мрачное, глухое место, которое она, тем не менее, привыкла проскакивать не глядя.

Почти дойдя до начала этого мрачного коридора, Джул оступилась. Нога наткнулась на острый обломок кирпича, скрытый в полночной темноте, и лодыжку прошила резкая, неприятная боль.

— Черт… — едва слышно выдохнула она.

Джул остановилась. Балансируя на одной ноге, она наклонилась и потянулась ладонью к подвернутой ноге, пытаясь сквозь плотную джинсу обхватить и осторожно помассировать ноющую щиколотку, чтобы унять резкую боль в растянутых связках. Пытаясь удержать равновесие в этой неудобной, изломанной позе, она чисто машинально повернула голову вправо, вглядываясь в глубокую темную нишу между кирпичным гаражом и глухими воротами закрытого частного учреждения.

Окна пятиэтажки позади светились мирным, кухонным теплом, где-то за стеклом работал телевизор, и сама мысль о том, что в паре метров от семейных ужинов может происходить нечто зловещее, казалась абсурдной. Но там, в зыбком полумраке, Джул увидела то, от чего воздух застрял у нее в горле.

В узком пространстве между зданиями разворачивалась яростная, но пугающе беззвучная потасовка. Трое мужчин в темных куртках навалились на четвертого, пытаясь скрутить его и заломить руки за спину. Судя по резким, профессиональным движениям нападавших, это не было обычной уличной дракой — парня брали в плотное кольцо, явно пытаясь нейтрализовать и куда-то утащить без лишнего шума. Но жертва отчаянно вырывалась. Мужчина хрипел, упирался ногами в скользкий асфальт и в какой-то момент сумел на секунду высвободить правую руку. Он резко дернулся в сторону, пытаясь вырваться из стальной хватки, и это хаотичное движение стало роковым.

Один из нападавших, удерживавший нож наготове — скорее для устрашения и контроля, — не успел среагировать на этот безумный рывок. Тонкое, хищно блеснувшее лезвие вошло прямо под ребра вырывавшегося мужчины. Изначальный план схватить его живым рухнул в долю секунды.

Раненый судорожно выгнулся, его глаза на мгновение дико блеснули в холодном отсвете далекого уличного фонаря, но один из нападавших мгновенно намертво зажал ему рот ладонью

в кожаной перчатке, обрывая страшный крик на взлете. Обмякшее тело безжизненно сползло по кирпичной стене, оставляя на ней темный, размазанный след.

Джул от ужаса забыла, как дышать. Острая боль в лодыжке мгновенно отступила, сменившись ледяным оцепенением. Но её тело отреагировало раньше, чем включился разум: пытаясь резко выпрямиться, она предательски скрипнула подошвой тяжелого ботинка по мелкому гравию.

Звук вышел негромким, но в этой мертвой тишине двора он прозвучал как выстрел. Человек, удерживающий окровавленный нож, резко повернул голову на шум, и его холодный, сканирующий взгляд сфокусировался прямо на бледном лице Джул, застывшей у входа в коридор между заборами.

Инстинкт самосохранения сработал быстрее, чем скованный ужасом мозг успел принять решение. Джул резко развернулась и бросилась прямиком в узкий коридор. По обе стороны от нее смыкалось холодное железо: слева зловеще поблескивали глухие листы профнастила, справа тянулись бесконечные вертикальные прутья резной ограды, подол светлого тренча путался в ногах, широкие джинсы-клеш цеплялись тканью друг за друга и за ботинки, мешая разбежаться, а травмированная лодыжка отзывалась пульсирующей болью на каждом шагу, но она бежала, не помня себя, стремясь укрыться в темноте этого прохода.

«Вселенная, не дай мне умереть, пожалуйста! — отчаянно молила она мысленно, задыхаясь от бешеного бега. — *Всё ведь только-только начало налаживаться... Неужели всё должно закончиться вот так, в грязной подворотне? Еще немного... Только бы успеть добежать до дома. Захлопнуть эту чертову дверь. Спаси меня. Пожалуйста, просто спаси!»*

Она думала лишь о спасении, стремясь прорваться сквозь этот темный коридор к своему двору, поэтому заметила мощную фигуру слишком поздно. Мужчина шел со стороны противоположного выхода из проулка, направляясь к воротам своего здания, и Джул на полной скорости врезалась в человека, шагнувшего ей навстречу из ночной тени. Он даже не покачнулся — он стоял твердо, словно каменная скала. По инерции от сильного удара он перехватил её поперек талии своими крупными ладонями в плотных черных кожаных перчатках и крепко прижал к широкому торсу, удерживая на ногах.

Джул судорожно вцепилась пальцами в ткань его одежды, подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза с отчаянной, безумной надеждой. Ей показалось, что Вселенная услышала ее. Вот оно, спасение! В её сужающемся от паники сознании этот огромный незнакомец казался единственным избавителем от неминуемой смерти. Она совершенно не замечала, насколько пугающе массивным он был. Под её ладонями ощущалась плотная ткань черного лонгслива в рубчик с расстегнутыми у верхнего выреза пуговицами, которая обтягивала его мощную грудь, а поверх был накинут тяжелый черный плащ из очень плотной, дорогой ткани. Её рецепторы мгновенно уловили исходящий от него шлейф — сложный, глубокий и дорогой аромат горького табака, темной кожи и благородного дерева, смешанный с ледяной свежестью ночного шторма. Весь этот монохромный мрачный силуэт источал скрытую угрозу, но Джул была слишком напугана, чтобы это понять.

Она начала судорожно, взахлеб тараторить, срывая голос от сдерживаемых рыданий:

— Пожалуйста... помогите! Там... там человека... Ножом! Пожалуйста, умоляю, помогите мне, за мной гонятся!..

Мужчина не перебивал её. Он держал её железной, неослабевающей хваткой за талию и с глубоким, хищным интересом всматривался в её испуганное лицо. В его темных, безжалостных глазах промелькнула едва заметная искра забавной оценки. Для него этот момент выглядел почти иронично: испуганная девчонка прибежала сама и искала защиты у того, кто спроектировал всю эту казнь. *«Интересно...»* — коротко пронеслось в его мыслях. Внутренний хищник, не знающий пощады, утробно замер, зафиксировав под своими ладонями эту хрупкую, пахнущую сладкой ванилью добычу.

В эту секунду в коридор между заборами, тяжело дыша, влетели его люди — те самые мужчины из переулка. Заметив своего лидера, один из них затормозил и удивленно произнес:

— О... Вы уже поймали её, босс?

Слова эхом отозвались в тишине. Мужчина не отпустил её — лишь на долю секунды чуть сильнее сжал пальцы на её талии, а уголки его жёстких губ тронула ленивая, хищная усмешка человека, которому добыча сама принесла себя в лапы.

В ту же долю секунды взгляд Джул изменился. Надежда разбилась вдребезги. Секунду назад в нем горело отчаянное упование на спасение, но теперь её глаза округлились, а зрачки затопило диким, первобытным ужасом. Осознание того, в чьи именно руки она только что добровольно бросилась, ударило по её и без того истощенной психике. Она поняла, что обняла само чудовище. Земля мгновенно ушла у неё из-под ног, перед глазами всё поплыло, и Джул безжизненной куклой обмякла, теряя сознание прямо в его руках.

Незнакомец среагировал мгновенно, подхватив её обмякшее тело под спину и колени. Её голова беспомощно уткнулась ему в плечо, а светлый тренч распахнулся, обнажая хрупкий силуэт в черной водолазке.

Один из его подручных, тяжело дыша после погони и удерживая окровавленный нож, сделал шаг вперед, кивнув на бесчувственную девушку:

— Все пошло не по плану, он напоролся на лезвие и сдох прямо на ее глазах. Ликвидируем её здесь, босс? Мертвые свидетели не говорят. Оформим как бытовое нападение вместе с этим...

Мужчина не ответил сразу. Он опустил тяжелый, проницательный взгляд на бледное лицо девушки, на ее плотно закрытые веки и растрепавшиеся волосы. Истинный вожак преступного мира никогда не действовал на эмоциях. Трупы направо и налево — это удел мелкой уличной швали, дилетантов, которые не умеют просчитывать ходы. Любая лишняя кровь в жилом секторе, да еще и молодой девушки, неизбежно притянет к делу федералов и прессу, усложняя зачистку следов. К тому же в его бизнесе человеческая жизнь была валютой: живой человек всегда стоил дороже мертвого, если знать, как правильно его разыграть. Вдруг её семья имеет вес или саму девчонку удастся использовать как рычаг давления?

Он думал о прагматизме и выгоде, хотя подсознательно, глубоко под забитым татуировками торсом, ворохнулось и совсем иное — его намертво зацепило то, с какой отчаянной, дикой надеждой она вцепилась в его ворот секунду назад. Никто и никогда не искал спасения в его руках. Уж точно не те, кто знал, кто он такой…

В конце концов, раз беглец мертв, здесь ему больше делать нечего. Цель его личного визита была уничтожена глупостью охраны, и торчать в этой грязной подворотне не имело никакого смысла. Единственное, что теперь удерживало его внимание — это обмякшее тело на его руках.

— Нет, — задумчиво и пугающе спокойно отозвался он, и его низкий голос заставил подчиненных вытянуться в струну. — Заберите её сумочку с асфальта. Выпотрошите всё до последнего чека. Папку с полной информацией на неё прислать мне на планшет в течение двадцати минут. Пока едем в машине — я всё изучу. Место преступления зачистить до блеска. Сначала я узнаю, кто она такая, а пустить в расход мы всегда успеем. Вдруг живой она может принести куда больше пользы.

Он поудобнее перехватил девушку, прижимая её бесчувственное тело к своей широкой груди, и развернулся обратно к выходу из проулка, где у обочины его уже ожидал заведенный представительский автомобиль. Через минуту тяжелая тонированная дверь минивэна захлопнулась, полностью отсекая звуки ночного города. Водитель плавно тронул машину с места, увозя девушку в светлом тренче навстречу её новой, отрезанной от мира реальности, пока её похититель мрачно разглядывал её бледное лицо на соседнем сиденье, невольно вдыхая тон-

кий, сбивающий с толку аромат сладкой ванили, который теперь мешался в салоне с запахом его дорогого кедра.

ГЛАВА 1

Так что, Джулия, ты останешься доделать проект сегодня вечером? — голос с легким британским акцентом ворвался в ее мысли.

Джул тоскливо посмотрела на коллегу. Кэтрин, ведущий инженер по логистике, лениво крутила в пальцах кофейную ложечку и с мягкой, дружеской улыбкой разглядывала лицо Джул. Оставаться в офисе ей совершенно не хотелось. Стояла поздняя осень, на острове вовсю бушевали пронзительные, холодные ветры, дующие со стороны открытого залива, и на улице пугающе рано темнело. Ей искренне не хотелось брести к дому по неосвещенным, сырым сумеркам, ловя лицом ледяные брызги, но она понимала, что деваться некуда. Проект морского нефтегазового терминала, который они готовили для крупного международного консорциума, горел по всем мыслимым срокам. Завтра утром отчет должен был лежать на столе у начальства, но карьерные перспективы и хорошая премия стоили того, чтобы потерпеть.

— Да, конечно, — вздохнула Джул, поправляя воротник черной водолазки, и отпила свой капучино с корицей. — Сведу финальные таблицы, перепроверю векторы распределения нагрузок на наливные причалы и закрою задачу. Не хочу оставлять хвосты на выходные.

Был обеденный перерыв, и они вышли на бизнес-ланч в уютную маленькую кофейню неподалеку от стеклянного здания инжинирингового центра. Это было крошечное, уединенное местечко, затерянное в хитросплетении старых кварталов, со своей особенной, обволакивающей атмосферой. Здесь никогда не собирались шумные толпы, не гремела посуда и не слышался навязчивый гул голосов — именно за эту камерность Джул и обожала заведение. Время здесь словно замедляло свой сумасшедший бег, позволяя выдохнуть посреди изматывающего рабочего дня. Внутри пахло обжаренными кофейными зернами, свежей выпечкой, корицей и капелькой домашнего тепла.

Джул завораживал пейзаж за большим панорамным окном, сквозь которое открывался вид на строгие, сонные улицы. На столах кофейни всегда красовалась эстетичная, тяжелая керамика ручной работы, покрытая матовой глазурью. За стойкой трудились замечательные, улыбчивые бариста, которые давно знали девушку в лицо, помнили её вкусы и всегда аккуратно выводили молочной пенкой идеальное сердечко на её любимом напитке. Без преувеличения, здесь варили самый вкусный кофе на острове.

— Ты слишком много работаешь, Джул, — Кэтрин покачала головой, отрезая кусочек черничного пирога. — Остров поглощает людей. Нефтяные деньги крутят этот город слишком быстро. Иногда мне кажется, что даже воздух здесь пропитан гонкой за показателями. Будь осторожнее, не сгори.

Джул усмехнулась, лениво размешивая ложечкой оседающую пенку, и прищурилась с той самой едва уловимой хитринкой в зелёных глазах:

— Это говорит человек, который вчера в девять вечера всё ещё спорил с подрядчиками по видеосвязи? Не переживай за меня, Кэт. У меня на завтра грандиозные планы: горячая ванна, плед и полный запрет на любые таблицы до понедельника.

— Ага, и очередной отказ Нику из отдела бурения, — хитро улыбнулась Кэтрин, подперев подбородок ладонью. — Он сегодня утром полчаса крутился у моего стола, выпытывая, какую музыку ты любишь и не пойдёшь ли ты с ним завтра на ужин в новый ресторан на набережной. Парень всерьёз настроен штурмовать твою крепость.

— Пусть лучше штурмует смету по третьему участку, у него там расхождение в двенадцать процентов, — спокойно, но с лёгкой смешинкой в голосе ответила Джул, делая глоток кофе. — Я прилетела на этот край света собирать себя заново и строить карьеру, Кэт, а не нянчиться с очередным офисным романтиком. Мне сейчас вполне хватает собственного общества.

Кэтрин понимающе вздохнула, не став настаивать — она слишком ценила дружбу с этой закрытой, но удивительно цельной девушкой, чтобы лезть ей под кожу.

Плотный, пряный вкус капучино на секунду согрел и вернул Джул привычный оптимизм. Она ободряюще улыбнулась коллеге, хотя внутри ворочалась привычная, глухая усталость. За стеклом ветер гонял по серому асфальту сухие пожухлые листья, а небо над островом затянуло тяжелыми свинцовыми тучами, обещавшими скорый, затяжной дождь.

Смотря на серую улицу, она в очередной раз поймала себя на мысли, что до сих пор отчаянно цепляется за свою новую реальность. На Острове её знали исключительно как Джулию, а для коллег — коротко и емко — Джул. Это имя не было просто удобным интернациональным вариантом для общения с экспатами в крупной нефтяной компании. Оно стало её добровольным щитом. Осознанной, хладнокровной попыткой похоронить свое прошлое, обрубить все мосты и родить совершенно новую личность. Джулия была сильной, успешной, неуязвимой. Джулия способна была защитить себя сама, её никто не мог предать, обмануть или заставить чувствовать себя ничтожеством. Потому что настоящая она — Юлиана, как было записано в её паспорте, — осталась там, на Материке, истекающая кровью под руинами своей разрушенной, растоптанной жизни.

Джул прилетела на этот суровый, отрезанный от мира кусок суши всего три месяца назад, спасаясь от затянувшейся черной полосы, которая в один момент превратилась в персональный ад. Всё началось с отношений, которые длились со школьной скамьи и казались ей незыблемым, вечным фундаментом. Первая любовь, общие планы, совместная жизнь — она верила, что это навсегда. Но пока она развивалась, училась по ночам и строила карьеру, её парень медленно, но верно тонул в бесконечных тусовках и безответственности. Измена с её бывшей однокурсницей не была ошибкой одной ночи — это было методичное предательство за её спиной. Самым страшным и унизительным оказалось то, что об этом знали абсолютно все в их общем кругу друзей. Джул ушла сразу, с гордо поднятой головой, но настоящая катастрофа ждала её впереди.

Они работали в одном инжиниринговом холдинге на Материке. Но если Джул пробивала себе дорогу исключительно умом и бессонными ночами, то его — веселого тусовщика, которого обожал весь коллектив, — туда устроили влиятельные родители. Его отец занимал один из ключевых постов в руководстве. Оскорбленный тем, что Джул посмела выставить его с вещами, «золотой мальчик» включил все рычаги семейного влияния. Бывшие друзья легко встали на его сторону, а в кулуарах компании против неё развернулась циничная кампания. В их глазах Джул в один миг превратилась в несчастную, скучную заучку, которую вполне закономерно предпочли яркой и легкой жизни. Её фальшиво жалели в лицо, вздыхая о «женской доле», и ехидно ухмылялись в спину.

Более того, её многомесячные расчеты по крупному месторождению были саботированы, а промахи, которые парень совершал из-за вечных гулянок, его высокопоставленные покровители технично переписали на Джул, выставив её «нестабильной и мстительной». В индустрии, где мужчинам традиционно доверяли охотнее, её мнение просто перестали слушать, а заслуженное место руководителя отдела отдали «своему» человеку. Липкая, удушающая атмосфера фальши, сплетен и шепотков за спиной лишала её сил. В ее родном городе ей больше физически нечего было делать — связи влиятельной семьи бывшего парня перекрыли ей весь кислород, превратив любимую работу в ежедневную пытку. Её точный аналитический ум выдал единственный верный расчет: здесь её уничтожили бы окончательно. Первоначальным планом было просто сменить город, переехать в другой мегаполис на Материке, подальше от этой ядовитой компании, и Джул уже вовсю просматривала вакансии, когда на её телефон поступил неожиданный звонок.

Приятный мужской голос в трубке без лишних предисловий предложил рассмотреть вакансию в международном проекте на отдаленном Острове. Джул, привыкшая всё подвергать

сомнению, мгновенно напряглась. Её никто не находил по чьей-то авторитетной рекомендации, и никто не изучал её личное портфолио. Как выяснилось почти сразу, рекрутеры международной конторы действовали куда прозаичнее: они просто раздобыли чью-то слитую изнутри базу контактов специалистов её бывшего инжинирингового холдинга. Это был массовый, «холодный» обзвон ковровым методом — без привязки к чьим-то уникальным навыкам. Кандидатам просто предлагали пройти сложнейший многоэтапный отбор, если они вообще согласятся на переезд.

Узнав, что звонили абсолютно всем её коллегам, Джул очень засомневалась в легальности этого предложения. Любой другой на её месте решил бы, что это обман, и повесил бы трубку. Но она, несмотря на массу сомнений, решила не рубить с плеча. Целых две недели она методично, дотошно выверяла каждую деталь, проверяла легальность компании через международные реестры и искала скрытый подвох. Ей нужно было убедиться на тысячу процентов, что это не очередная ловушка. И только когда все юридические проверки подтвердили абсолютную прозрачность фирмы, она согласилась пройти тесты и финальное собеседание. В итоге на переезд решились единицы, которых можно было пересчитать по пальцам одной руки — мало кто хотел покидать свой сытый, нажитый дом и мчаться на суровый край света. Но Джул, чью прошлую карьеру так безжалостно зарубили, поняла: это её шанс. Идея сорваться не просто в другой регион, а вообще улететь с Материка, навсегда похоронив прошлое под новой маской Джулии, оказалась идеальным, спасительным решением.

На Острове, конечно, существовала цивилизация, но совсем не такая, к какой Джул привыкла в огромном мегаполисе Материка. В первые недели новое место казалось ей диким, холодным и пугающим. Бешеные, ничем не оправданные цены на элементарные продукты в местных лавках, полное отсутствие привычных сетевых гипермаркетов и европейских брендов. Остров, подпитываемый колоссальными нефтяными деньгами, развивался семимильными шагами, но для избалованного благами человека зажатый между горами и бушующим морем город всё равно выглядел сурово.

Но все эти бытовые минусы с лихвой компенсировала природа. Гигантская, величественная гора высилась прямо в центре города, разрезая своими острыми вершинами тяжелые облака и открывая безумно красивые виды на километры вокруг. И, конечно, близость моря. В её родном городе, затерянном в глубине материка, чтобы увидеть настоящую большую воду, нужно было лететь на самолете несколько тысяч километров. А здесь море было осязаемым, живым, его соленый, резкий запах проникал сквозь городские улицы, смешиваясь с ароматом влажной хвои.

В инжиниринговом центре Джул быстро завоевала репутацию безупречного профессионала. Её сложная специальность требовала колоссальной собранности, точности, абсолютной гибкости ума, умения анализировать большие, хаотичные системы данных и собирать их воедино в одну работающую модель. Она мыслила графиками, векторами потоков и математическими схемами. Джул всегда была девушкой с сильным, упрямым характером, скрытым за внешней хрупкостью, и суровый Остров подходил её внутренней сути как нельзя лучше.

Ей казалось, что сама судьба, устав испытывать её на прочность и бить наотмашь, наконец решила выдать ей компенсацию за все прошлые страдания, щедро осыпая подарками. Начиная с квартиры. Джул сказочно повезло с хозяйкой — интеллигентной, мягкой пожилой женщиной, которая окружила её почти материнским теплом. Когда после изматывающего многочасового перелета Джул, шатаясь от усталости, дикой головной боли и разницы во времени, вышла в шумный терминал аэропорта, та встретила её лично с табличкой в руках. Она не стала мучить бледную, едва стоящую на ногах девушку юридическими формальностями, проверками паспортов и подписанием договоров. Просто привезла её на машине, помогла занести тяжелые чемоданы в дом и оставила отсыпаться, мягко улыбнувшись на прощание.

А когда Джул, проснувшись среди ночи, заглянула в холодильник, то и вовсе испытала шок — он был заботливо, до отказа забит свежими продуктами и готовой едой на первое время, чтобы ей не пришлось бегать по незнакомым магазинам. Хозяйка приехала только на следующий вечер, когда Джул окончательно пришла в себя, и они легко, за пару минут утрясли все формальности за чашкой ароматного чая. Между ними сразу завязались теплые, глубоко доверительные отношения.

Сама квартирка была маленькой, но невероятно уютной. Настоящее личное гнездышко, её тихая гавань. Пространство делилось на крошечную отдельную спальню с большой мягкой кроватью, утопающей в пушистых пледах, и светлую кухню-гостиную. Джул обожала эту зону: здесь стоял небольшой вельветовый диванчик насыщенного темно-зеленого цвета, на полу лежал мягкий ковер, в котором утопали пальцы, а на подоконниках прижились несколько неприхотливых комнатных растений в глиняных кашпо. На открытых деревянных полках аккуратно выстроились её любимые книги, привезенные с материка, и пара причудливых ракушек, которые она сама нашла на побережье в свои первые выходные. Это место пахло идеальной чистотой, нежным ванильным освежителем и абсолютным покоем. Домом, в котором её больше никто и никогда не предаст.

Близких, проверенных временем друзей на Острове Джул завести ещё не успела — три месяца были слишком малым сроком для того, чтобы впустить кого-то в свою душу. Но её социальная реальность плавно налаживалась. В офисе подобралась отличная, интеллигентная компания, она тепло общалась с парочкой коллег, включая Кэтрин, и иногда по пятницам они выбирались в местный уютный паб на набережной — поболтать, посмеяться над рабочими курьезами, обсудить капризы начальства и весело провести вечер.

Коллеги обычно пили тяжелое темное пиво, особенно экспаты, которые его почему-то обожали и могли заказывать пинту за пинтой, но Джул всегда строго ограничивалась легким безалкогольным коктейлем. Дело было не в капризах или нелюбви к алкоголю — просто в чужом городе, где у неё не было ни близких, ни друзей, она подсознательно держала ухо востро. Расслабляться и терять контроль в незнакомом месте казалось ей неоправданным риском, а ясная голова всегда оставалась лучшим способом контролировать свою жизнь. Джул снова и снова ловила себя на мысли, что всё складывается слишком идеально, словно в сказке. Отличная работа, уважение руководства, замечательные люди рядом, потрясающее жилье. Судьба явно вела её правильной, безопасной дорогой, подкидывая один подарок за другим.

Вернувшись из кофейни в офис, она с головой погрузилась в расчеты. Пространство инжинирингового центра дышало строгой, почти стерильной атмосферой: ровные ряды массивных столов, заваленных рулонами чертежей, технологических схем и топографических карт побережья, стойкий запах нагретого пластика от мощных графических станций и тихий, непрерывный гул серверов за стеклянной перегородкой. Экран её огромного монитора светился сложными трехмерными моделями нефтеналивного терминала, цветными векторами потоков сырья, спецификациями оборудования и бесконечными таблицами расчетов.

В этом преимущественно мужском коллективе Джул сразу стала объектом повышенного внимания. Мужчин-инженеров, привыкших к суровой производственной атмосфере острова, неосознанно тянуло к её мягкой, притягательной красоте. Лаконичная, стильная одежда, которую Джул всегда подбирала с безупречным вкусом, идеально сидела по фигуре, подчеркивая тонкую талию. Дополняли образ густые золотисто-русые волосы — прямые и гладкие, как дорогой шёлк. Но главным украшением Джул оставались её удивительные зеленые глаза: большие, ясные, с легким, красивым разрезом, они почти всегда казались слегка улыбающимися, а в самой их глубине пряталась едва уловимая, живая хитринка. Этот внимательный, проницательный взгляд умной женщины гипнотизировал и заставлял держать дистанцию. С первых же дней за ней начали активно ухаживать — коллеги то и дело приносили к её столу утренний кофе с круассанами, оставляли забавные записки, предлагали подвезти до дома после работы

или настойчиво приглашали на ужин под благовидными предлогами обсуждения текущих проектов. Но Джул, всё ещё ощущая острую фантомную боль от прошлого предательства, выстроила вокруг себя глухую, непробиваемую ментальную стену. Она мягко, но предельно непоколебимо давала понять ухажёрам, что любые романтические отношения сейчас ей совершенно не интересны. Она приехала сюда работать, строить карьеру и лечить израненную душу, а не ввязываться в новые служебные романы, которые могли закончиться очередной катастрофой. Постепенно мужчины отступили, зауважав её жесткие профессиональные границы, хотя восхищенные, оценивающие взгляды продолжали провожать её стройный силуэт по коридорам инжинирингового центра.

Время за проверкой данных летело незаметно, растворяясь в бесконечных цифрах. Один за другим коллеги прощались, гасили мониторы и покидали свои рабочие места. Около девяти вечера ушел начальник сектора, пожелав ей удачи и попросив не засиживаться допоздна, а к одиннадцати в огромном здании воцарилась пугающая, гулкая тишина, нарушаемая лишь мерными щелчками её мыши и тяжелыми вздохами кондиционера.

Джул методично, шаг за шагом перепроверяла каждый коэффициент, каждую переменную в сложной системе распределения потоков нефти. Глаза уже нещадно слезились от многочасового напряжения, а спину ломило от долгого сидения в одном положении. Когда она наконец поставила финальную точку в проекте, запустила общую проверку модели и сохранила тяжелые файлы на сервер, на часах было далеко за полночь.

Она медленно поднялась, потянулась и подошла к посту охраны на первом этаже, чтобы сдать электронный ключ.

— До свидания. Хорошей ночной смены, — устало улыбнулась она дежурному.

— Ночи доброй, Джулия. Вы сегодня что-то совсем поздно, — старый охранник покачал головой, листая местную газету. — Аккуратнее там, на улице шторм разыгрывается, ветер с ног сбивает. Да и вообще... неспокойно на Острове в последние недели. Вон, полиция то и дело патрулирует кварталы. Поговаривают, в теневом секторе опять чистка началась. Мелкие банды взбунтовались, вот хозяева острова теперь и выжигают любого, кто вякнуть посмеет. Всю неделю пух и перья летят, порядка совсем нет.

Джул невольно вспомнила странные, полумифические байки, которые то и дело шепотом пересказывали друг другу местные экспаты на пятничных посиделках в пабе. На прошлой неделе один из инженеров-ирландцев, прилично захмелев, с пугающей серьезностью поведал ей главную городскую страшилку. Легенды о трех безжалостных вожаках, криминальных королях, поделивших этот остров на сферы влияния, — Медведе, Волке и Рыси.

«Медведь заправляет портами и тяжелой контрабандой. С виду он кажется огромным и неповоротливым, но это смертельная иллюзия: Медведь быстр как молния, несмотря на все свои габариты, а если встанешь у него на пути — ломает хребет сразу, без разговоров, — таинственным шепотом рассказывал коллега, косясь на темные окна паба. — Рысь — скрытный, хитрый хищник, контролирует весь теневой оборот информации и шпионаж. Он видит всё и никогда не оставляет следов. Но самый опасный среди них — Волк. Это цепной пес синдиката. Молодой, безжалостный ублюдок, который заправляет всеми казнями, зачистками и силовыми операциями. Говорят, у него вообще нет сердца — чистый, просчитанный интеллект хищника. Если Волк взял след, живым от него еще никто не уходил...»

Тогда, под веселый гул паба, эти пьяные экспатские байки показались Джул обычными бандитскими страшилками для запугивания приезжих. Её точный, технический склад ума привык сразу же подвергать подобное жесткому сомнению и отбрасывать как глупые суеверия. В цивилизованном мире нефтяных консорциумов, графиков и контрактов не было места сказкам про волков и медведей.

— Ерунда всё это, просто глупые слухи, — устало улыбнулась она, взглянув на темные окна, по которым уже хлестали первые капли. — Мне просто жизненно необходимо проветрить голову после такого долгого дня, пройтись пешком. До завтра.

Выйдя на улицу через тяжелые стеклянные двери, Джул замерла на крыльце и сделала глубокий, жадный вдох. Прохладный ночной воздух, густо замешанный на запахе морской соли, влажной хвои и приближающегося шторма, мгновенно выветрил из головы многочасовую офисную духоту. Она застегнула свой светлый тренч поверх плотной черной водолазки, поправила ремень кожаной сумки на плече и с чистым удовольствием пошла по пустеющей, темной улице.

Город в этот полуночный час был по-своему невероятно, зловеще красив. Ночные огни закрытых витрин и редких проезжающих машин расцвечивали мокрый асфальт неоновыми, дрожащими бликами. Но главным, завораживающим зрелищем была гора, величественно высившаяся прямо посреди городских кварталов. Её склоны были искусно подсвечены яркими огнями горнолыжных трасс и канатных дорог, из-за чего в темноте она казалась гигантским, сияющим драгоценным камнем, подпирающим черное, бурлящее штормовое небо. Крупный, призрачный диск луны то и дело проглядывал сквозь рваные свинцовые тучи, заливая улицы холодным серебром.

Джул шла, глядя на эту величественную красоту, и внутри неё разливалось редкое, выстраданное чувство полного покоя и свободы. Она искренне радовалась, что решилась на этот безумный переезд, радовалась близости дикого, мощного моря, которое дарило ей силы.

Мимо по пустому проспекту, глухо урча мощными моторами, пронеслись два чёрных тонированных внедорожника без опознавательных знаков, обдав тротуар шлейфом холодного воздуха, и тут же скрылись за поворотом в сторону порта. Джул проводила их рассеянным взглядом, даже не задумываясь о том, кому принадлежат эти машины в столь поздний час. Её мысли были заняты куда более приятными мелочами: сейчас она дойдёт до дома, скинет тяжёлые ботинки, заварит травяной чай с мёдом, заберётся под пушистый плед на своём темно-зелёном диванчике и впервые за всю неделю выспится без будильника. Мысль о том, что ещё десять минут — и она окажется в своей теплой, безопасной квартире, заставляла её мягко улыбаться.

Фонари на этой улице горели через один, бросая длинные, уродливые тени на тротуар. Чтобы побыстрее оказаться дома и не попасть под подступающий ливень, Джул решила срезать путь. Привычный короткий маршрут пролегал через тот самый узкий переулок, зажатый между глухим забором из серых металлических листов и высокой резной оградой какого-то закрытого частного учреждения. Прозрачные железные прутья справа, за которыми спали ухоженные, темные газоны, всегда усыпляли её природную осторожность, делая этот проход обманчиво открытым и просматриваемым.

Она ускорила шаг, плотнее запахивая полы тренча и глубже пряча ладони в карманы. Точный, кристально ясный ум Джул в эту секунду отдыхал, убаюканный обманчивой тишиной ночного города. Она не могла знать, что на другом конце этого железного коридора, в глухой кирпичной нише, случайная ошибка чужих людей уже превратилась в смертный приговор.

А из темноты переулка ей навстречу размеренно шагал Волк…

ГЛАВА 2

Она приходила в себя мучительно медленно, словно выныривая из липкой, бездонной глубины, которая неохотно, по капле возвращала её сознанию контроль над телом. Первым, что сумело пробиться сквозь эту плотную пелену оцепенения, стал низкий, глухой рокот мощного многолитрового мотора и едва ощутимая, убаюкивающая вибрация, пробивающаяся сквозь дорогую обшивку панелей. Следом, заполняя легкие и заставляя внутренности сжиматься от подсознательного предчувствия беды, накатили запахи. Они были густыми, чужими и пугающими: тяжелый аромат дорогой натуральной кожи, едкий и терпкий шлейф мужского парфюма с горьковатыми нотами элитного табака и сухого кедрового дерева.

Она приоткрыла веки, и ресницы испуганно дрогнули. На секунду Джул показалось, что она очнулась внутри какого-то футуристического корабля — в полумраке просторного салона мягко светились скрытые диодные ленты, отбрасывая приглушенные неоновые блики на роскошные матовые текстуры. Машина двигалась с безупречной плавностью, лишь изредка покачиваясь на редких ухабах и стремительно несясь по невидимому ночному шоссе.

На долю секунды, пока её веки ещё не раскрылись, пальцы мужчины на стекле планшета замерли. Он ловил себя на глухом, непривычном раздражении: привычный стерильный запах дорогой кожи и табака в его салоне безнадёжно перебивал тонкий, сладковатый шлейф ванили, исходивший от этой девчонки. Даже в беспамятстве она умудрялась нарушать стерильный порядок его пространства.

Девушка обнаружила, что полулежит в глубоком, невероятно широком анатомическом кресле. А прямо напротив нее, закинув ногу на ногу и вальяжно откинувшись на кожаную спинку, расположился он. Тот самый человек, в которого она всего полчаса назад со всего размаху врезалась в темном, залитом изморосью проулке, прежде чем мир вокруг нее окончательно погас.

Между ними было от силы пара метров, но его подавляющее присутствие, казалось, полностью вытеснило из герметичного пространства весь кислород. Он выглядел абсолютно расслабленным, уверенным в своем неоспоримом праве казнить и миловать. В широких, татуированных ладонях мужчина держал планшет, его пальцы плавно скользили по стеклу экрана — он что-то внимательно изучал.

Когда она судорожно, прерывисто вздохнула, выдав свое пробуждение, мужчина слегка повернул голову. В неоновом полумраке Джул встретилась с его взглядом — ледяным, цвета тусклого штормового серебра. В этих глазах не было ни капли человеческой эмоции, ни злости, ни угрозы, лишь пугающая пустота, с которой смотрят на неодушевленный предмет или деталь интерьера. Он скользнул по её побелевшему лицу равнодушным взором и, ничего не сказав, вернулся обратно к прерванному занятию.

В полумраке она лихорадочно фиксировала его колоссальные габариты, сокрушительную, звериную силу, угадывающуюся под плотной тканью одежды, и забитую темными чернилами шею. В блеклом электрическом сиянии его короткие темно-русые волосы были слегка взъерошены и всё ещё хранили влагу от уличного дождя.

В этот момент автомобиль без единого скрипа притормозил. С переднего сиденья обернулся водитель — крепкий, собранный мужчина в темном костюме — и негромко, деловито произнес:

— Дэн, парни закончили зачистку в переулке. Камеры в квартале отключены, свидетелей нет.

Мужчина с планшетом лишь коротко, едва заметно кивнул, не прерывая своего занятия и не отрывая взгляда от мерцающего экрана.

«Дэн…»

Это имя намертво, раскаленным клеймом врезалось в её память. Короткое, резкое, как щелчок ружейного затвора. Теперь у кошмара, который полностью, беспощадно перечеркнул безопасную реальность, появилось имя.

За тонированным, абсолютно непроницаемым окном расстилалась первобытная тьма, сквозь которую едва пробивался глухой, утробный шум неистово штормящего моря. Напряжение внутри салона росло, становясь почти осязаемым, физически тяжелым. Страх парализовал горло, но внутренний стержень и упрямый, боевой характер не позволили Джул окончательно превратиться в безвольную, дрожащую жертву. Она слишком долго училась защищаться от ударов судьбы и слишком дорого заплатила за право быть сильной, чтобы просто молча ждать, пока её уничтожат. Пересилив оцепенение и бешеный, лихорадочный стук сердца, она заставила себя заговорить, идя ва-банк и пытаясь перехватить инициативу:

— Я не знаю, куда вы меня везете, — её голос сначала осип, но быстро набрал твердость, звеня скрытым вызовом. — Но меня будут искать. Завтра утром если я не появлюсь в офисе, у вас будут огромные проблемы со службой безопасности консорциума и полицией. Так что просто отпустите меня прямо здесь. Я... я ничего не видела и всё забуду.

В салоне воцарилась гробовая тишина. Единственное, что выдало Дэна — его пальцы на секунду замерли над экраном планшета. Медленно, с ленивым изяществом сытого хищника, он перевел на нее свой штормовой серебряный взгляд. На его губах едва заметным росчерком проступила холодная, ироничная полуулыбка. Он явно ожидал от девчонки чего угодно: слез, грязной истерики, животных мольб о пощаде, но этот отчаянный, гордый блеф по-настоящему его заинтересовал.

Мужчина скользнул пальцем по стеклу, листая файлы. Он даже не посчитал нужным отвечать на её наивные угрозы — просто принялся бесстрастно, словно зачитывал накладную на портовый груз, произносить сухие строчки досье:

— Прилетела на Остров три месяца назад. Сменила имя. Рост около ста семидесяти сантиметров, волосы русые с золотистым отливом, глаза зеленые, размер одежды тридцать шестой... В целом — абсолютно среднестатистическая женщина, никаких особых примет, — Дэн сделал короткую паузу, смерив её оценивающим взглядом. — В инжиниринговом центре держишь глухую дистанцию, близких контактов, друзей или любовников здесь завести не успела. Мать и отец далеко на материке, отношения натянутые, созваниваетесь раз в месяц. Искать никто не бросится.

Джул почувствовала, как земля уходит у неё из-под ног, а воздух выбивает из легких — за какие-то полчаса этот монстр раскопал всю её жизнь, превратив её тщательно выстроенные щиты в пыль. Он знал всё. Абсолютно всё.

Дэн слегка подался вперед и лениво бросил обернувшемуся водителю:

— Марк, отправь парней к ней на квартиру. Пусть заберут её настоящий паспорт на имя Юлианы и личные вещи. Оформим для компании и копов как внезапный побег обратно на Материк. Прекрасный бэкграунд мстительной и нестабильной тихушницы, у которой отобрали карьеру, идеально подойдет на роль убийцы того идиота в переулке. Пусть аналитики подберут под её параметры подходящее глухое дело в полиции, подкинем улики позже. У них есть неделя, максимум две.

Водитель коротко кивнул, бросив быстрый взгляд в зеркало заднего вида:

— Понял, Дэн. Всё сделаем.

Джул резко вскинула голову, и в её расширенных зелёных глазах на миг вспыхнула такая жгучая, отчаянная злость, что она даже забыла о страхе:

— Вы совсем с ума сошли?! Повесить на меня убийство человека, которого ваши же головорезы зарезали у меня на глазах?! Да любой криминалист за пять минут развалит эту дешёвую сказку!

— На этом Острове криминалисты видят ровно то, за что им платят из моего кармана, Юлиана, — лениво, с ледяной ленцой обронил Дэн, даже не поднимая глаз от экрана.

Отдав распоряжение, мужчина потерял к ней всякий интерес. Он беззвучно заблокировал планшет, убрал его в карман кожаных панелей и отвернулся к окну, погрузившись в созерцание первобытной штормовой тьмы. Для него разговор был окончен.

В салоне снова воцарилось тяжелое, удушливое безмолвие. Джул слушала мерный рокот мотора, и внутри неё всё окончательно заледенело, превратившись в хрупкий наст. Её жизнь и её смерть были расписаны за тридцать секунд, пока автомобиль плавно мчался сквозь ночной шторм. Сердце испуганно пропускало удары, но упрямый характер не позволял просто сидеть и безвольно ждать утилизации. Её мозг, привыкший работать с жесткими переменными, намертво зацепился за услышанный срок. Пересилив липкий страх, она заставила себя разрубить эту тишину и спросить прямо:

— Что будет со мной эти две недели? — голос осип, но прозвучал отчетливо. Она упрямо дождалась, пока он снова лениво переведет на неё свой серебряный взгляд, и договорила, пытаясь нащупать границы своей новой реальности: — Я буду… под замком? В подвале?

Дэн откинулся обратно на кожаную спинку кресла, даже не повернув головы:

— Сырость подвалов плохо сказывается на внешнем виде. Мне нужен чистый, кондиционный труп, чтобы у полиции и их судмедэкспертов не возникло лишних вопросов, когда придет время инсценировки. Легенда о твоем бегстве должна быть идеальной. От меня не убегают, Юлиана…

— Джул, — резко, на чистом, неосознанном автомате перебила его она, а в мыслях тут же стремительно пронеслось паническое: «Всё. Я труп. Чистой воды самоубийство».

Дэн осекся. В герметичном пространстве воцарилась такая оглушительная, звенящая тишина, что в ней стал слышен свист ветра за толстыми стеклами. Одна его темно-русая бровь медленно, иронично выгнулась вверх. Он не просто не привык, чтобы его прерывали — в его мире пленники в этот момент обычно скулили от ужаса. Наглая, дикая выходка этой девчонки на секунду выбила его из колеи, подогревая внутри Волка колоссальный, доселе незнакомый интерес к её персоне. Такого с его жертвами точно еще не было.

— Джул? — негромко повторил он в темноту стекла, словно пробуя новое слово на вкус. — Что ж. Учту.

Мужчина повернулся и впервые посмотрел на неё по-настоящему. В синеватом неоновом полумраке его серебряные глаза медленно, с тяжелым и пугающим вниманием принялись сканировать её лицо. Он разглядывал её в упор целых полминуты, заставляя Джул буквально задыхаться от этого невыносимого, парализующего давления. Дэн методично изучал её черты, пока его взгляд не замер на её больших, ясных зеленых глазах. В блеклом диодном сиянии вытянутые к вискам внешние уголки и затаившаяся в глубине горькая хитринка делали её невероятно похожей на дикую лисицу, которую только что загнали в угол. Лисёнок. Потрепанный, напуганный, но упрямо скалящий зубы прямо в лапы хищнику. Это открытие подогрело внутри Волка колоссальный, глубокий интерес.

На его губах едва заметным росчерком проступила холодная полуулыбка. Но Дэн не снизошел до продолжения разговора. Он принципиально не собирался признавать её новое имя, для него она оставалась исключительно Юлианой — безликой цифрой в папке аналитиков. Мужчина просто снова отвернулся к тонированному стеклу, погружаясь в молчание и давая понять, что аудиенция окончена.

Машина начала плавно снижать скорость, сворачивая с асфальтированной трассы на ухабистую грунтовку. Подвеска мягко скрадывала удары, но Джул всё равно всем телом чувствовала, как они метр за метром забирают вверх, поднимаясь на крутой склон. За окном расстилалась первобытная тьма, а её ум лихорадочно переваривал услышанное. Привычка просчитывать все возможные варианты развития событий сейчас не давала никаких результатов,

кроме фатального. Расклад сил был сокрушительным. Две недели дедлайна, пока аналитики монстра ищут идеальный криминальный сценарий для подлога документов.

Автомобиль затормозил, окончательно останавливаясь у самого основания серого каменного фундамента. Тяжелый рокот многолитрового мотора мгновенно затих, и салон на секунду погрузился в стерильную, мертвую тишину. Диодные ленты на панелях погасли, оставив их в полной темноте. Темнота за окном минивэна на секунду показалась Джул абсолютной, пока мертвенно-белый луч прожектора не полоснул по стеклам, выхватив из мрака каменистый край обрыва.

«Маяк…» — тут же с леденящим ужасом поняла Джул. Мозг, привыкший работать с четкими инженерными координатами, мгновенно дорисовал картину: они на самом краю Острова, на отрезанном от цивилизации скалистом мысе, откуда нет и не может быть путей к спасению.

Дэн плавно поднялся со своего кресла напротив. Его массивная фигура в угольно-черном на мгновение полностью перекрыла для нее и без того скудный свет. Он двигался беззвучно, с грацией крупного ночного хищника. Не оборачиваясь на водителя, Дэн властным, отточенным движением сам взялся за ручку и с глухим металлическим щелчком сдвинул тяжелую дверь минивэна в сторону.

В салон мгновенно ворвался бешеный, шквальный ветер, принеся с собой резкий запах соли, йода и ледяные брызги штормящего океана. За порогом автомобиля расстилалась кромешная ночная тьма, которую циклично, словно гигантский клинок, разрезал мертвенно-белый луч прожектора с вершины. Прямо перед ними, вырастая из скользких черных скал, высился старый заброшенный маяк — огромный мрачный исполин, похожий на древний каменный обелиск, подпирающий штормовое небо.

Дэн вышел первым, даже не подумав поправить одежду под хлесткими порывами ветра. Он развернулся к Джул и протянул ей руку, сплошь обтянутую чернильной чешуей татуировок. Его ладонь была открыта, но в этом жесте не было ни капли вежливости. Это был абсолютный приказ.

— Выходи, — его низкий, рокочущий голос легко перекрыл гул яростных волн, бьющихся о скалы далеко внизу. — Добро пожаловать в твою новую реальность…

Джул помедлила секунду. Внутри неё, мешаясь с леденящим ужасом, вспыхнула яростная, отчаянная злость. Ей до безумия, до дрожи в зубах хотелось прямо сейчас с силой захлопнуть эту тяжелую дверь минивэна, забиться в самый дальний угол салона и не выходить — просто назло этой чёртовой судьбе, которая снова загнала её в угол. Но аналитический склад ума быстро отрезвил Джул, не позволив сорваться в бессмысленную истерику. Она прекрасно понимала: прояви она сейчас упрямство, никто не станет с ней церемониться. Её просто насильно вытащат из машины и издевательски поволокут по острым мокрым камням. Протянул ли он ей руку из какого-то извращенного криминального милосердия? Или это была очередная проверка? Сжав челюсти, она заставила пальцы подняться и лечь на его широкую, обжигающе горячую ладонь, покрытую плотными темными узорами. Вложив себя в его стальную хватку, Джул вынудила себя сделать глубокий вдох и встретилась с ним взглядом. Прямо глаза в глаза, отчаянно пытаясь разгадать стоящее перед ней чудовище. Она замерла в жестком ожидании, судорожно гадая с испугом и отчаянием, что этот монстр сделает дальше: резко дёрнет её на себя, издевательски протащит, причиняя боль, или…

В это мгновение весь мир вокруг — шквальный ветер, ревущий океан, ледяная пена — словно перестали существовать, схлопнувшись до размеров этой скалы. Это был безмолвный, яростный поединок двух полярных миров. В его взгляде застыла холодная, оценивающая глубина человека, привыкшего подчинять себе всё и вся. Дэн безошибочно считал её панику. Но всё её поведение в машине — отчаянный, дерзкий блеф, глухое упрямство и то, с каким ожесточением эта девчонка прямо сейчас пыталась скрыть свой первобытный страх, — заставило

его мысленно ухмыльнуться. Внутри Волка лениво, сыто потянулось опасное предвкушение хищника. Он признал: кажется, эти две недели на маяке будут куда более увлекательными, чем он предполагал.

Он слегка сжал её пальцы — властно, но безболезненно — и рывком помог ей выйти на каменистую почву. Как только подошвы тяжелых ботинок Джул коснулись камней, поврежденная лодыжка, которую она сильно подвернула во время отчаянного побега в переулке, мгновенно заныла. Острая, пульсирующая боль прошила ногу до самого колена, заставив девушку едва заметно пошатнуться и перенести вес на левую сторону. Джул тут же до боли прикусила губу, упрямо выпрямляясь и стараясь скрыть эту слабость.

Дэн заметил это мимолетное движение. Его сканирующий, цепкий взгляд опустился к её ногам, на мгновение зафиксировав едва заметную хромоту. Темно-серые глаза мужчины слегка сузились, становясь предельно сосредоточенными. То, с каким ожесточенным упрямством эта девчонка, превозмогая острую боль, пыталась скрыть от него свою уязвимость и удержать спину прямой, лишь подтвердило его внезапную догадку — у этого лисёнка внутри был настоящий стальной стержень. Мужчина не подал виду. Ни единым словом или жестом он не выдал своего наблюдения — его хватка на её запястье осталась такой же непреклонной, стальной и крепкой, но он слегка скорректировал шаг, позволяя ей поспевать за собой, пока лицо удерживало маску абсолютного, холодного безразличия.

Он был высокий, выше её на целую голову, если не больше. И хотя сама она была совсем не низкого роста, рядом с ним Джул казалась себе почти невесомой. Ей всегда подсознательно хотелось быть хрупкой, маленькой и миниатюрной, но природа решила иначе, наградив самым обычным средним ростом. Ни желанная крошечная дюймовочка, ни роскошная высокая модель — обычная среднестатистическая девушка, которая сейчас никак не могла укрыться от его подавляющего присутствия.

Пересиливая простреливающую боль в лодыжке, она вынуждена была идти рядом с ним, едва поспевая за его широкими, быстрыми шагами. В этот момент её мозг, заменяя панику сухим расчетом, лихорадочно сканировал геометрию этого каменного капкана. Чуть поодаль, на самом краю скалистого плато, во мраке угадывались силуэты старых пристроек и невысокого домика — бывшего жилища смотрителя, в окнах которого сквозь штормовую пелену пробивались редкие, слабые отблески света. В её голове безумной вспышкой пронеслась дикая, отчаянная мысль — вырвать запястье и прямо сейчас рвануть по скользким камням туда, к этим светящимся окнам. Но Джул тут же осадила себя холодной, трезвой логикой. Сквозь стену проливного дождя и оглушительный рев океана её крики о помощи никто не услышит. Бежать вслепую в эту штормовую тьму с подвернутой, пульсирующей лодыжкой — чистое безумие. Этот мужчина в любом случае окажется быстрее, он перехватит её на первом же метре. Позади остался припаркованный минивэн, но прорваться обратно мимо охраны нереально. Слева и справа скалистый мыс был намертво зажат стихией. Там, внизу, бурлило холодное прибрежное море, которое без видимых границ сливалось с бескрайней бездной открытого океана — единая, леденящая вода, штормящая до самого горизонта. Граница между ними существовала разве что на географических картах, но для Джул сейчас это была лишь одна непреодолимая стена, превращающая любой прыжок с обрыва в верную смерть. Единственная грунтовая дорога, петляющая далеко позади автомобиля вниз к трассе, полностью просматривалась из узких бойниц башни. Бежать по ней пешком в такой шторм было бессмысленно

Она окончательно поняла: сейчас бежать — это самоубийство. Придется подчиниться, войти в этот маяк и изучить ловушку изнутри.

На секунду, прежде чем переступить порог, Джул обернулась назад — туда, где в чёрной пелене шторма тонули огни оставленного позади города. Ещё час назад она шла по тем улицам, мечтая о горячей ванне и тихих выходных. Теперь между ней и прежней жизнью встали трид-

цать метров отвесных скал, заминированный берег и человек, чья ладонь обжигала её запястье сквозь холодную морось.

Дэн приложил ладонь к скрытой сенсорной панели у косяка, коротко набрал комбинацию на тёмном дисплее — и тяжёлая стальная дверь плавно ушла внутрь. Они переступили порог. Бронированное полотно с глухим пневматическим лязгом захлопнулось за их спинами, мгновенно отсекая яростный рев шторма.

В её мыслях пронеслась горькая, обжигающая волна. «Если это то, что ты называешь спасением, Вселенная, то у тебя просто отменное чувство юмора, — подумала она, чувствуя, как к горлу подступает удушливый комок. — Кажется, мы совсем по-разному понимаем значение этого слова».

ГЛАВА 3

Джул шагнула следом за Дэном в просторный, гулкий круглый холл, и грохот океанского шторма за толстыми стенами мгновенно превратился в далёкий, глухой гул. Интерьер поражал своим контрастом: грубые, замшелые от времени каменные стены соседствовали с дорогой, минималистичной мебелью, идеальным дизайнерским освещением и новейшими системами безопасности. Настоящее логово высокотехнологичного хищника.

Дэн неторопливо, со свойственной ему ленивой грацией снял влажный от океанских брызг черный плащ и небрежно бросил его на кожаное кресло. Он остался в одном черном хенли в рубчик, плотно обтягивающем его мощную грудь и обнажающем забитые чернилами руки и шею. Мужчина мазнул равнодушным взглядом по русым волосам девчонки, которые шторм мгновенно превратил в спутанные, насквозь промокшие пряди, и внутри него шевельнулось глухое, ленивое раздражение.

Всё этой ночью пошло не по плану. В его машине должен был ехать совершенно другой человек. Дэн планировал везти на маяк этого чертова беглеца — живого, связанного, готового зубами вымаливать прощение у Триады и отдавать украденные шифрованные ключи от портовых терминалов. Но парни на зачистке слишком увлеклись, перетянули гайки и прирезали парня случайно, когда тот рванул вслепую через заборы. Труп в грязной луже переулка — чертовски неэффективный финал для операции, из-за которого ему пришлось тащить на свою секретную базу эту случайную свидетельницу с Материка.

К тому же старый инстинкт выживания требовал выждать: слишком вовремя девчонка из крупного нефтяного консорциума оказалась в нужном переулке. Две недели глухого карантина на маяке давали идеальную фору — за это время Дэн точно увидит, не начнут ли её искать конкуренты с Материка и не была ли она засланной наводчицей. А пустить в расход случайного свидетеля, если она действительно чиста, он успеет в любую секунду

Единственное, что слегка сглаживало досаду от сорванной операции — циничный, чисто профессиональный расчет: тело беглеца, скорее всего, было бы прилично подпорчено после допроса с пристрастием, и дорогая кожаная обивка кресел представительского минивэна оказалась бы безнадежно испорчена чужой липкой кровью. От девчонки, по крайней мере, в салоне не осталось грязи. Только горьковатый шлейф её офисного кофе с корицей и этот тонкий, едва уловимый аромат сладкой ванили — её собственный, естественный запах, который теперь мешался в воздухе холла с его горьким кедровым парфюмом.

Джул на секунду замерла, но ее глаза продолжали машинально сканировать пространство — она фиксировала расположение мебели, толщину стальных засовов на двери и винтовую лестницу, уходящую в темноту верхних ярусов. Чуть правее, в глубокой каменной нише под изгибом лестницы, чернели ещё две глухие металлические двери — одна вела вниз, в цокольный архивный отсек и подземелье башни, а за второй угадывался герметичный люк технического бункера.

Дэн не упустил ни одного её мимолетного движения. Повернувшись к Джул, он перехватил ее лихорадочный взгляд и негромко, пугающе вкрадчиво произнес:

— Можешь перестать крутить головой.

Он сделал шаг вперед, мгновенно сокращая дистанцию так, что его массивная, забитая татуировками фигура снова заслонила ей весь обзор.

— Ноль шансов, — его голос звучал обыденно и равнодушно, как приговор компьютера. — Дверь блокируется электронным замком, код от которого знаю только я. А снаружи — тридцать метров отвесных скал и заминированный по периметру берег. Высокочувствительные датчики движения вызовут группу зачистки через три минуты, а бронированную входную

дверь холла ты не взорвешь даже динамитом. Лучше не трать время на сказки про побег. Они тебе не понадобятся.

Мужчина небрежно кивнул в сторону лестницы:

— Иди наверх. Третий ярус. Твоя комната открыта.

— Мы здесь… одни? — едва слышно, сорванным на хриплый шёпот голосом спросила Джул, испуганно глядя на него снизу вверх. Её взгляд машинально метнулся к темным каменным пролетам лестницы, но мозг в эту секунду лихорадочно цеплялся за тусклые отсветы окон, которые она заметила в пристройках на скалах.

Дэн медленно перевел на неё свой тяжелый, проницательный взгляд. На его губах снова появилась та самая едва заметная, зловещая полуулыбка, от которой по коже пробежала волна мурашек. Он безошибочно считал направление её мыслей, мгновенно поняв, к чему была задана эта осторожная проверка.

— Они тебе не помогут, — хладнокровно разрушил он её надежду. — На этом Острове о твоём присутствии знает только моя охрана по периметру и персонал в невысоком домике у обрыва, который убирает и приносит еду. Но в жилую зону самой башни им вход заказан, сюда никому не попасть без моего личного ведома. Мои люди прекрасно знают границы. Им дано чёткое указание на твой счет, так что кричать, звать на помощь или надеяться, что кто-то из них проявит жалость — бессмысленно. Ни один из них не пошевелит и пальцем.

Он сделал короткую, намеренную паузу, заставляя её в полной мере ощутить всю глубину и обреченность фразы «только я и ты» в этой отрезанной от мира каменной башне.

Джул продолжала упрямо стоять на месте. Дэн лениво окинул её фигуру холодным взглядом.

— Если ты закончила, то советую вспомнить мой приказ, — на его губах проступила ядовитая ухмылка. — Наверх, Юлиана. Живо. Мне некогда тратить время на уговоры, а подниматься самой тебе понравится гораздо больше.

В его тихом, обманчиво спокойном тоне проступила такая глухая, осязаемая угроза, что у Джул перехватило дыхание. Она отчетливо поняла: лимит его терпения исчерпан до капли, и проверять границы его жестокости прямо сейчас точно не стоит.

Стиснув зубы от прострелившей лодыжку боли, Джул развернулась и начала подниматься по крутым каменным ступеням винтовой лестницы, лихорадочно вглядываясь в глухой полумрак верхних ярусов. То, что этот монстр остался стоять внизу холла и не пошел конвоировать её по темным пролетам, принесло её натянутым нервам секундное, судорожное облегчение. Стоило девушке подняться на площадку третьего этажа, как массивная дубовая дверь перед ней открылась с мягким, бесшумным магнитным щелчком. Джул нерешительно переступила порог и замерла, ошеломленная увиденным.

Вместо сырого, холодного карцера, который рисовало её перепуганное воображение, перед ней предстало комфортное жилое пространство, окутанное приглушенным полумраком. Всё здесь было подчинено строгой, до мелочей выверенной логике, отвечающей исключительно функциональности и удобству владельца — безупречный, дорогой механизм ловушки, в которой не предполагалось изъянов. Комната занимала весь радиус третьего яруса башни, и её круглые, выложенные вековым диким камнем стены диктовали странную геометрию. Прямо напротив входа, в глубокой арочной нише, врезанной в толщу каменной кладки, высилось панорамное бронированное окно, за стеклом которого бесновался ночной шторм. Справа по дуге стены, в старинную кирпичную кладку, был искусно встроен действующий камин — в нём ровно и глухо потрескивало настоящее пламя, наполняя помещение глубоким сухим теплом и смолистым ароматом дров. Чуть ближе к окну стоял массивный дубовый стол, на котором дрожали огоньки двух восковых свечей. Рядом стоял аккуратно накрытый ужин на одну персону: изящный стеклянный графин с чистой водой, свежий хлеб и горячее блюдо, от которого всё ещё поднимался тонкий шлейф пара.

Вся левая, самая затененная сторона башни была отведена под огромную двуспальную кровать. Её изголовье и одна из боковых сторон были плотно, без малейшего зазора вписаны в плавный изгиб полукруглой стены. Занимая эту позицию, постель оказывалась в самой защищенной точке яруса: отсюда по диагонали открывался идеальный обзор на камин, окно и, что для Джул сейчас было критически важно, на входную дубовую дверь. Никто не смог бы войти сюда незамеченным.

Джул медленно подошла к столу, чувствуя, как сердце бьется о ребра. В этот момент её пронзила леденящая душу мысль: камин не разгорается за пять минут, а еда не готовится сама. Дэн просчитал всё до мельчайших деталей ещё в ту секунду, когда она беспомощно лежала без сознания на кожаном сиденье его машины. От этого глубокого сухого тепла и горячего ужина до заблокированных на её пути дверей нижних ярусов и открытой только одной — этой. Короткое указание персоналу улетело по шифрованной связи ещё в ту минуту, когда его бронированный минивэн только выезжал с ночных улиц города на прибрежное шоссе Острова. Всё было решено за неё задолго до того, как они въехали на территорию маяка. Тотальный контроль. Для его людей на этом отрезанном от мира маяке теперь официально жили двое.

Джул сделала глубокий, судорожный вдох, заставляя себя успокоиться. Всё это — лишь декорация, нельзя ничему верить. Она решительно отвернулась от аппетитно пахнущего ужина. Страх и изнуряющее истощение окончательно брали верх над разумом, а мозг лихорадочно подкидывал худшие сценарии: что, если в еду или воду подмешано снотворное? Что, если это самый простой способ лишить её последних крох контроля? Ей нужны были силы, но рисковать сознанием она не могла. Так и не притронувшись к еде, Джул отвернулась.

Превозмогая сильную, пульсирующую боль в лодыжке, она аккуратно расшнуровала и сняла тяжелые уличные ботинки, оставив их у порога. Хлопковый светлый тренч, насквозь пропитанный океанскими брызгами, она повесила на спинку стула. Широкие джинсы-клеш снизу тоже были неприятно сырыми и ледяными, деним лип к коже, но раздеваться до нижнего белья в чужом, враждебном логове Джул панически боялась. Одежда оставалась её последней, призрачной броней. Мысль о том, что она останется полураздетой и беззащитной перед этим монстром, пугала сильнее холода. Так и не сняв влажные джинсы, в одной плотной черной водолазке девушка забралась на кровать.

Только после этого Джул свернулась калачиком в самом углу постели, намертво прижимаясь спиной к стене. Это было инстинктивное стремление занять максимально защищенную позу, чтобы видеть всю комнату и контролировать дубовую дверь. Одеяло, натянутое до самого подбородка, не спасало от внутренней дрожи. Она оглядела темные углы комнаты — здесь не было ни скрытых панелей, ни видимых камер. Дэн оставил её в абсолютном, глухом уединении, уверенный, что сами скалы Острова удержат её надёжнее любых электронных систем.

Камин постепенно гас, оставляя после себя лишь блеклые, багровые угли. Комната погружалась в холодные сумерки, а на каменных стенах начали оживать длинные, зловещие тени. За панорамным окном не утихал яростный рев океана — этот монотонный, тяжелый звук проникал в её сознание и утягивал за собой в зыбкое забытье.

***

Ночь всегда была его временем — часами, когда хаос дневных разборок уступал место леденящему, системному контролю. Дэн сидел внизу, в глубоком кожаном кресле перед массивным терминалом — пультом управления системами безопасности, на экраны которого стекались данные со всех внешних камер и тепловых датчиков периметра скал. На его коленях лежал планшет, на экране которого мерцали ровные зеленые строчки отчетов. Камин внизу давно остыл, но мужчина, казалось, вообще не замечал сырого холода, пробивавшегося сквозь вековые каменные стены маяка.

Экран коротко мигнул, принимая шифрованное сообщение от Марка — его правой руки и доверенного лица. Отчёт был лаконичным: *«Паспорт Юлианы у нас. Личные вещи из квар-*

тиры изъяты. Аналитики загрузили в сеть ложные брони на её имя — для копов и инжинирингового консорциума она три часа назад официально вылетела вечерним рейсом на Материк».

Дэн мазнул пальцем по стеклу, блокируя экран. Всё работало безупречно, как часы. Цифровая личность девчонки была стёрта из пространства Острова за пару часов, превратив её в бесплотный призрак. Он протянул руку, взял со стола тяжелый хрустальный стакан и сделал глоток, позволяя терпкому, обжигающему виски смыть остатки глухого раздражения от сорванной портовой сделки.

В этот момент терминал на столе негромко, вибрирующе зажужжал, требуя подключения по спутниковому зашифрованному каналу. Дэн нажал клавишу, принимая вызов с Материка. Из динамика раздался глухой, встревоженный голос Бориса — доверенного управляющего материковым сектором логистики Триады:

— Дэн, у нас ЧП, — без предисловий выдохнул мужчина. — Из-за того, что этого беглого придурка в переулке кокнули раньше времени, мы так и не успели забрать у него аппаратный ключ-карту от автономного сейфа в доках. Весь наш груз оружия завис на таможне. Объект полностью отрезан от сети, Рысь удаленно туда не пролезет — там глухой оффлайн и титановые шторки с системой зачистки данных при попытке взлома. Копы Материка уже начали копать под логистику Триады. Ты нужен здесь лично: Медведь уже поднял людей и готов обеспечить силовой коридор, но автономная система терминала завязана на твой физический мастер-ключ портового администратора. Без твоего личного шифратора шторки сейфа заблокируются через шестьдесят секунд после поворота карты, и диск просто выгорит. Медведь без тебя туда не сунется, он способен только разнести доки и подставит всю Триаду под удар. Вывезти этот чертов накопитель чисто сможешь только ты. Из-за плотной облачности Остров не выпустит твой вертолет раньше полудня, но время играет на нас: комиссия копов зайдет в портовый сектор только послезавтра утром. Завтра в одиннадцать утра дубликат ключа будет у меня на руках. Перехватим накопитель, закроем хвосты, и к ночи ты сможешь вернуться на Остров.

Дэн жестко, до хруста сжал челюсти, чувствуя, как внутри закипает тяжелая, холодная ярость. Дела не давали выдохнуть ни на секунду.

— Держи руку на пульсе. Буду на месте, как только пилоты дадут добро на взлет, — коротко отрезал он и отключил связь.

Мужчина невольно поднял взгляд к темному каменному своду винтовой лестницы, уходящей на верхние ярусы. Мысли против воли вернулись к девчонке, запертой на третьем этаже. Внутри шевельнулось чистое, хищное раздражение: он ведь еще даже не начал играть со своей новой игрушкой, не прощупал её границы, не подчинил этот лисий оскал, а чертовы обстоятельства уже выдергивают его из логова. Улетать завтра же, оставляя её здесь без своего присмотра, чертовски не хотелось. Он ловил себя на странном, непривычном для него интересе — Юлиана не была похожа на тех женщин, которых он привык видеть в своем мире. В ней не было этой липкой, парализующей покорности жертвы; даже скованная страхом, она продолжала сканировать его базу, ища уязвимости. Эта порода упрямых борцов инстинктивно заставляла Волка оскалить зубы в ответ. Он уже мысленно присвоил её себе, запер в своем пространстве, и эта вынужденная пауза в их только зарождающейся игре злила его сильнее, чем сорванная контрабанда оружия.

Мужчина поднялся, разминая широкие плечи, и направился к винтовой лестнице холла. Его спальня и рабочий кабинет располагались на самом верхнем ярусе башни, прямо под вращающимся куполом прожектора. Он шёл вверх по каменным ступеням абсолютно бесшумно, несмотря на свои колоссальные габариты, лениво прокручивая в голове текущие задачи.

Дэн уже миновал площадку третьего яруса, собираясь подняться выше, когда сквозь толстый массив дубовой двери внезапно прорвался глухой, надрывный звук.

Мужчина замер, его серебряные глаза мгновенно сузились. Из комнаты доносился хриплый, полный панического ужаса и отчаяния девичий крик, эхом покатившийся вверх по каменным пролётам винтовой лестницы.

Прошло всего полминуты. Замок на дубовой двери беззвучно, мгновенно втянул магнитные ригели, и в комнату, словно материализовавшаяся из её собственного сна тень, стремительно вошел Дэн. Он не включал свет. Ему вполне достаточно было призрачного сияния луны и багрового отсвета угасающих углей в камине.

Дэн подошел к кровати вплотную и остановился рядом. В полумраке его фигура казалась еще огромнее, еще опаснее. Он пристально смотрел сверху вниз: девчонка лихорадочно металась по постели, скованная удушающим параличом кошмара. Его сканирующий взгляд подметил каждую деталь: снятые у порога ботинки, аккуратно повешенный на стул тренч, её отчаянную, защитную позу в углу кровати и то, как судорожно сжаты в кулаки её маленькие пальцы. Он видел, как подрагивают её ресницы — кошмары не отпускали свою жертву. В сыром воздухе комнаты тонкий, сладкий запах ванили мешался со смолистым дымом гаснущего камина. Ночь ломала её щит без его участия. Кошмар делал за него всю работу, превращая упрямого лисёнка в загнанного зверька. И в эту секунду, глядя на её бледное лицо, Дэн внезапно поймал себя на странном, непривычном чувстве. Эта обнаженная уязвимость — то, насколько хрупкой она выглядела сейчас без своего дневного упрямства — глухо и осязаемо задела его, на мгновение выбивая из колеи привычного равнодушия. Узоры татуировок на шее резко натянулись от глухого раздражения. Его лицо оставалось непроницаемой маской, но этот мимолетный сбой внутри собственного контроля злил его сильнее, чем сорванная портовая сделка. Пришлось жестко напомнить самому себе: она — всего лишь опасный свидетель. Всего лишь ресурс, который нужно выгодно утилизировать

Внезапно Джул издала еще один тихий, жалобный всхлип и резко, судорожно распахнула глаза, окончательно вырываясь из лап кошмара. Туман сновидений еще не рассеялся, но прямо над собой, в паре десятков сантиметров, она отчетливо увидела массивный силуэт мужчины и гипнотизирующий блеск его пронзительных, темных глаз.

Она окаменела. Воздух мгновенно вылетел из легких. Девушка замерла, боясь сделать даже мимолетное движение, посмотрела на него широко распахнутыми, полными паники глазами и шумно сглотнула застрявший в горле ком. Кошмар из сна ожил наяву. В её голове мгновенно вспыхнула самая страшная, леденящая душу мысль: он пришел использовать её, сломать её сопротивление самым грязным, насильственным способом, воспользовавшись беззащитностью ночи. Сжавшись в комок еще сильнее, буквально врастая спиной в холодную стену, она едва слышно, срывая голос на хриплый шепот, повторила те же слова, что только что кричала во сне:

— Пожалуйста... не надо.

В этой короткой мольбе было столько первобытного ужаса, что воздух в комнате словно превратился в свинец.

Дэн не шевелился. Он продолжал стоять на том же месте, монолитом возвышаясь над кроватью и глядя на неё сверху вниз. В тусклом, багровом свете угасающего камина было видно, как узоры татуировок на его шее резко натянулись, когда он жестко, до хруста сжал челюсти. В его потемневших глазах мелькнула сложная, едва контролируемая гамма эмоций — от холодного презрения к её грязному предположению до какого-то глубокого, яростного и опасного раздражения.

Его оскорбляло то, кем она его посчитала. Но куда сильнее его зацепило другое: удушающий страх в её сорванном хрипе и то, как отчаянно она отбивалась от невидимых рук мгновение назад. Он слишком хорошо умел читать людей, чтобы не догадаться: этот кошмар, заставивший её кричать на всю каменную башню, был о нём. О чудовище в черном плаще, которое

лишило её привычного мира. Он стал главным архитектором её персонального ада, и осознание этого факта отозвалось в его груди странным, тяжелым уколом.

Он медленно выпрямился во весь свой огромный, подавляющий рост, заложил руки в карманы плотных брюк и сделал шаг назад, намеренно увеличивая дистанцию между ними.

— Спи, — его низкий, рокочущий голос звучал пугающе ровно, без единой капли тех грязных намерений, которых она так боялась. — Если бы я хотел взять тебя силой, я бы не стал ждать, пока ты проснешься, и никакое твое «пожалуйста» не спасло бы тебя.

Дэн резко развернулся и так же бесшумно, как вошел, направился к выходу. Через секунду дубовая дверь закрылась, и по комнате разнесся глухой, окончательный щелчок электронного магнитного замка. Джул осталась одна. Её тело била крупная дрожь от пережитого страха, но сквозь панику медленно прорастало странное осознание: этот монстр играет по каким-то своим, гораздо более сложным, расчетливым и опасным правилам.

ГЛАВА 4

Яростный ночной шторм утих ближе к утру, оставив после себя лишь глухой, ровный гул прибоя, тяжело бьющегося о подножие скал. После ночного визита Дэна Джул так и не смогла сомкнуть глаз. Она провела оставшиеся часы в темноте, карауля каждую секунду, и как только за арочным окном забрезжили первые, блеклые лучи рассвета, не стала медлить. Времени не было, нужно было искать выход. Деним джинсов снизу высох лишь наполовину, оставаясь леденящим и жестким, а травмированная лодыжка при любом движении отзывалась пульсирующей, тупой болью, но Джул упрямо заставила себя подняться.

Первым делом она решила трезво мыслить и не поддаваться панике. Включив холодный расчёт, она принялась методично, шаг за шагом обыскивать комнату. Она обшарила каждый угол, заглянула под массивное основание кровати, проверила дубовый стол, простучала швы вековой каменной кладки вокруг камина и до упора осмотрела раму панорамного окна. Результат оказался нулевым. Ни единой лазейки, ни забытого инструмента, ни намека на проводную связь. Комната была идеальной, герметичной клеткой.

В этот момент тишину башни нарушил мягкий, бесшумный щелчок электронного замка. В комнату вошел один из людей Дэна — крупный, широкоплечий мужчина в глухой темной униформе персонала. Его лицо не выражало абсолютно ничего. Намеренно избегая прямого взгляда, он бесшумно забрал с дубового стола нетронутую тарелку с остывшим ночным ужином, аккуратно поставил на ее место тяжелый серебряный поднос с исходящим паром, свежим завтраком и так же беззвучно удалился. Массивная дверь за его спиной послушно заблокировалась.

Джул долго смотрела на поднос. Еда пахла потрясающе, но липкий ночной страх мгновенно перерос в холодную паранойю: как бы ни хотелось есть, рисковать нельзя. Так и не притронувшись к завтраку, она решительно отошла от стола.

Вслед за изматывающим голодом пришла новая, куда более страшная пытка — гнетущая, сводящая с ума пустота бездействия. В этой комнате не было ничего, что могло бы занять деятельный, привыкший к постоянной работе мозг: ни книг, ни телевизора, ни связи. Абсолютный вакуум. Оглушительная тишина мертвой башни начала физически давить на сознание, убивая сильнее любого страха. Время потянулось медленно, словно густая резина. В голове бесконечным, изматывающим вихрем крутились мысли о привычной жизни, которую у неё отобрали всего несколько часов назад.

В машине Дэн хладнокровно отрезал, что её никто не хватится, но упрямый, прагматичный разум Джул отказывался принимать эту ложь. Она не верила ему. Не хотела верить. Да, она оборвала старые связи, когда переехала на Остров, но сейчас у неё была новая жизнь, консорциум, жесткие графики сдачи проектов. Её начальник не мог просто проигнорировать отсутствие ведущего инженера в секторе, а мать обязательно забила бы тревогу, не дождавшись вечернего звонка. Мысль о том, что Дэн просто запугивал её ночью, чтобы лишить воли к сопротивлению, внезапно перевесила первобытный ужас. Страх окончательно сгорел, превращаясь в чистую, отчаянную злость. Джул поняла, что больше не может сидеть в этом удушающем бездействии. Нужно было делать хоть что-то, пробовать систему на прочность, выбивать из этого камня хоть какую-то реакцию.

Она решительно подлетела к двери и принялась изо всех сил колотить в неё кулаками. Глухие, тяжелые удары раскатистым эхом разнеслись по каменной винтовой лестнице маяка.

— Эй! Откройте! — закричала она, срывая голос на хрип. — Вы не имеете права! Меня будут искать! У меня работа, если я не выйду в сектор, мой начальник прямо сейчас заявит в полицию! Мои родные... они ждут звонка, они же с ума сойдут от тревоги! Слышите?! Отпустите меня!

Она исступленно била по безжалостному дереву, пока ладони не начали гореть от невыносимой боли, а на костяшках не проступила краснота. За дверью царила мертвая тишина. Джул уже готова была опустить руки от бессилия, как вдруг раздался знакомый, короткий электронный писк. Магнитные ригели замка мгновенно втянулись.

Тяжелое дубовое полотно медленно распахнулось.

На пороге стоял сам Дэн. Он снова был во всем черном: черная рубашка, рукава которой были закатаны до локтей, и черные джинсы. На руках темнели плотные кожаные браслеты, а шею и открытые предплечья покрывали густые угольные татуировки — он словно вообще не признавал существования других цветов. В руке он небрежно держал её собственный мобильный телефон, который Джул обронила на асфальте в том злополучном переулке. Его лицо оставалось абсолютно непроницаемым.

— Твоя работа и твои родственники, — его низкий, рокочущий голос прозвучал пугающе спокойно, разрезая пространство комнаты. — Давай снимем этот вопрос раз и навсегда, чтобы ты больше не портила мои двери.

Дэн сделал широкий шаг вперед, вынуждая Джул инстинктивно попятиться назад, к арочному окну, и плавно развернул к ней светящийся экран смартфона.

— Полчаса назад, ровно в десять утра, с твоего номера на корпоративную почту твоего шефа ушло официальное заявление об увольнении по собственному желанию в связи с экстренным, незапланированным переездом, — его палец лениво скользнул по стеклу. — Документы уже отправлены курьерской службой. Для своего консорциума ты больше не существуешь.

Он перелистнул экран, открывая мессенджер.

— А это — чат с твоей матерью. Десять минут назад ты «написала» ей, что встретила потрясающего мужчину, уезжаешь с ним спонтанно в мини-отпуск далеко в горы, где совершенно не будет ловить связь, и наберешь её сама через пару недель. Она уже ответила. Пишет, что искренне рада за тебя.

Дэн погасил экран, и комната словно погрузилась в холодные сумерки. Он небрежным, хозяйским движением опустил телефон в карман.

— В твоем мире, как я и говорил, никто не бьет тревогу, — с едва заметной, леденящей душу усмешкой добавил он. — Более того, никто из твоих знакомых не удивится такому поступку. Ты ведь уже один раз внезапно сорвалась со старого места и уехала на этот Остров, напрочь оборвав прежние связи. Твой «мини-отпуск» в горах идеально укладывается в логику твоего поведения. Я просто заставил их поверить в то, чего они от тебя и так ждали.

Джул почувствовала, как земля уходит у неё из-под ног. Её стерли из реальности одним кликом. Всё, абсолютно всё, чего она с таким трудом добилась здесь, в городе, просто полетело к чертям. Вернее — к дьяволу по имени Дэн. Её новая, с таким трудом по кусочкам склеенная жизнь, её независимость и эта перспективная карьера, ради которой она прошла через адские тесты и недели сомнений, — всё было уничтожено за пару минут. Она снова превратилась в невидимку, в пустое место, чьи амбиции больше не имели никакого значения. Всё, от чего она так отчаянно бежала из своего прошлого городка, теперь казалось невинной детской сказкой по сравнению с тем, что происходило сейчас.

— Для всех ты жива, здорова и абсолютно счастлива, — добавил он. — Так что прекрати устраивать этот дешевый театр. Время, которое я тебе отмерил, официально пошло.

В этот миг внутри Джул вспыхнула чистая, концентрированная ярость. Ей всё ещё было до безумия страшно, но упрямая гордость и обида за уничтоженную жизнь внезапно перевесили первобытный ужас. Она не отступила. Напротив, девушка сделала решительный шаг навстречу его массивной фигуре, сжимая кулаки так сильно, что ногти до крови впились в ладони — она просто отказывалась молча проглотить этот приговор.

— Я не собачонка, чтобы сидеть здесь под замком и покорно ждать прихода хозяина! — её голос больше не дрожал — он звенел от вызова и отчаяния. — Если для тебя всё так просто, если ты уже всё за меня решил... то закончи это сейчас! Давай! Стреляй в меня! Чего ты ждешь?!

Джул тяжело, прерывисто дышала, глядя на него снизу вверх и всем телом ожидая удара или выстрела. Ей казалось, что она только что подписала себе смертный приговор, спровоцировав чудовище.

Дэн замер. В комнате повисла звенящая, смертельно опасная тишина, нарушаемая лишь гулом прибоя за окном. Его темный, оценивающий взгляд неторопливо скользнул по её бледному лицу, фиксируя каждую черточку. В глубине её широко распахнутых глаз, прямо за упрямой гордостью и отчаянным диким вызовом, внезапно вспыхнул странный, лихорадочный, неестественно яркий огонек. Дэн на секунду задержал на нём взгляд, но его циничный ум сразу списал этот блеск на предел её эмоционального истощения и пик чистого отчаяния. Ему показалось, что лисенок просто оскалил зубы от бессилия, окончательно теряя остатки самообладания.

Он сделал к ней еще один шаг, полностью разрушая границы личного пространства. Между их лицами остались считанные сантиметры. Джул окутал его плотный, дорогой запах — горький парфюм с нотами кедра, табака и штормовой соли.

Она ждала оружия, но Дэн лишь медленно поднял свою огромную руку. Его длинные, покрытые чернилами пальцы жестко, невероятно властно обхватили её подбородок, вынуждая Джул высоко закинуть голову]. Его ладонь была обжигающе горячей.

— Закончить сейчас? — его голос опустился до пугающего, вибрирующего шепота, от которого у неё перехватило дыхание. — Какая глупая, наивная девичья гордость. Ты думаешь, что если ты закричишь и потребуешь пулю, это избавит тебя от правил моей игры? Нет, Юлиана. Смерть в моем мире нужно заслужить. А ты пока не сделала ровным счетом ничего, чтобы я потратил на тебя даже это.

Он чуть сильнее сжал пальцы, заставляя её смотреть прямо в его потемневшие серебряные глаза, где сейчас разгорался опасный, леденящий азарт хищника, нашедшего достойную добычу. Проверка хвостов и карантин от шпионов с Материка были лишь удобным предлогом — впервые за долгие годы Волк поймал себя на том, что просто не хочет отдавать приказ убрать единственную женщину, которая смотрела ему прямо в глаза и не ломалась от его давления.

— Но мне нравится этот оскал, — на его губах проступила ленивая ухмылка. — Посмотрим, на сколько часов его хватит, когда ты поймешь, что стены этого маяка не ломаются от твоей злости. Хочешь ненавидеть меня? Ненавидь. Это хотя бы займет твое свободное время. Но жить ты будешь ровно столько, сколько я отмерил.

Он резко, почти грубо отпустил её подбородок, отчего Джул покачнулась, едва удержав равновесие на больной ноге. Дэн развернулся и направился к выходу. У самой двери он остановился и, не обернувшись, бросил через плечо:

— Скоро принесут книги. Развлекайся. И кстати... Я не собираюсь держать тебя под замком в этой комнате. Можешь больше не ломать дубовые двери. Ночью я просто заблокировал систему, чтобы ты выспалась.

Дэн сделал шаг к сенсорной панели управления на стене и нажал клавишу, полностью разблокируя электронную систему ярусов. Массивное дубовое полотно мягко приоткрылось, обнажая зев серой каменной лестницы.

— Вся жилая башня маяка отныне в твоем распоряжении. Можешь спускаться в холл, ходить на кухню, подниматься на смотровую площадку под самой крышей. Более того, через час мой вертолёт улетает на Материк. Моей ближней команды здесь не будет, а охране на Острове я под страхом смерти запретил даже приближаться к жилому сектору маяка. Я не хочу, чтобы ты попыталась проскочить в открытую дверь или разжалобить кого-то из моих

людей — человеческий фактор нельзя исключать никогда, а я не привык оставлять системе даже микроскопический шанс на сбой. Так что в этой башне ты будешь абсолютно одна.

Джул ошеломленно замерла, не веря собственным ушам. Воздух в комнате показался ей раскаленным.

— С какой стати ты выпускаешь меня из комнаты? — с глубоким подозрением спросила она, не сводя с него глаз. — Решил поиграть в милосердие?

Дэн тихо, почти беззвучно усмехнулся. Он снова подошел ближе, и узоры татуировок на его шее пришли в движение, когда он слегка наклонил к ней голову, обжигая дыханием:

— О да, я решил поиграть, Юлиана, но совсем в другую игру. В ту, где я буду с удовольствием наблюдать, как рушатся твои наивные надежды на спасение. Холодильник на кухне забит до отказа. Мои люди позаботились о том, чтобы у тебя был выбор. Всё для твоего максимального удобства. Но выхода наружу нет: бронированные двери заблокированы намертво, окна не бьются. Мой вертолёт вернётся на Остров сегодня глубокой ночью. Так что бегай, слоняйся, ищи лазейки. У тебя есть всего полдня, Юлиана, чтобы лично убедиться: этот маяк — твоя идеальная, абсолютная могила. Посмотрим, с каким лицом ты встретишь меня, когда я вернусь.

Он резко развернулся и размашистым шагом покинул комнату. Через час, замерев у толстого стекла панорамного окна, Джул действительно услышала, как далеко на крыше, над верхними ярусами, оглушительно и тяжело взревели лопасти запускающегося вертолета. Рёв нарастал, вибрируя в вековых каменных стенах, а затем начал плавно удаляться, пока полностью не растаял в серой дымке утихающего циклона.

Маяк погрузился в мертвую, звенящую и пугающую тишину.

Она осталась совершенно одна. В её распоряжении была вся жилая башня, замок на дубовой двери больше не подмигивал зловещим красным огоньком, а камер внутри здания не было. Дэн оставил её наедине с пустыми стенами, уверенный, что сама природа Острова и глухая изоляция базы удержат её надёжнее любых стальных решёток.

Ужас происходящего всё ещё обжигал внутренности, но отчаяние внезапно отступило, уступая место холодному, упрямому и расчетливому бешенству. Джул криво усмехнулась прямо в пустоту безмолвного помещения и отчетливо произнесла в каменные стены башни:

— О, если ты думаешь, что я сойду с ума от страха и покорно просижу эти часы на кровати, ты сильно ошибаешься. Я найду, на что потратить это время. Посмотрим, найдешь ли ты меня здесь, когда вернешься.

«Всего полдня. У меня есть время только до глубокой ночи, пока этого дьявола здесь нет», — упрямо повторила она себе, сжимая кулаки. Хрупкое тепло от камина ещё согревало комнату, но сидеть на месте было равносильно капитуляции. Джул не собиралась покорно ждать, пока её сломают. Логика подсказывала, что у любого механизма есть уязвимость, у любой системы безопасности — слабое звено. Она обязана была его найти, и сделать это нужно было немедленно, до того, как солнце покатится к закату.

Эти короткие, стремительно ускользающие часы превратились в лихорадочный, одержимый марш по круглой каменной башне. Джул стремительно спустилась в холл. Массивная входная дверь, окованная железом, встретила её мёртвой неподвижностью. Джул навалилась на неё всем телом, дёргала за тяжёлую ручку, пока пальцы не свело судорогой. Ригели оффлайн-замка сидели в пазах намертво, глубоко утопленные в стальной косяк. Электронная панель рядом с дверью была тёмной — без мастер-ключа портового администратора, который Дэн увёз с собой, она оставалась лишь куском бесполезного пластика. Джул попробовала поддеть край панели ногтями, надеясь добраться до проводки, но стыки были подогнаны так идеально, что между ними нельзя было просунуть даже лезвие бритвы. Ладони горели от бесплодных ударов, а металл оставался леденящим и глухим…

***

В это же самое время промышленный доковый порт на Материке тонул в проливном холодном дожде. Серое, тяжелое небо сливалось с грязной водой залива, а гул портовых кранов глушил любые звуки. Черный вертолёт Дэна, покинувший Остров около одиннадцати тридцати, спустя сорок минут плотного лёта заходил на посадку в закрытом секторе промзоны, едва не задевая лопастями ржавые грузовые контейнеры. Едва машина коснулась асфальта, к трапу моментально выдвинулись бронированные внедорожники охраны.

На пороге Дэна встретил Борис — его правая рука на материковом берегу, мужчина с неизменно собранным, ледяным лицом.

— Волк, все готово, — Борис коротко кивнул, раскрывая над шефом огромный угольный зонт. — Парни Медведя заблокировали периметр ангара. Посторонних нет, портовая администрация куплена на корню.

Дэн шёл размашистым, уверенным шагом. Ледяной дождь моментально пропитал ткань плаща на его широких плечах, но он, казалось, вообще не замечал непогоды. Его фокус был направлен на массивный автономный оффлайн-сейф Триады, вмурованный в бетонную стену терминала.

Дэн подошел к титановым шторкам, приложил руку со скрытым вшитым чипом к оптическому сканеру, и система глухо, утробно зарычала. Ригели послушно поползли назад — точно так же, как ригели на дверях маяка, которые он заблокировал ночью.

— Какие новости по консорциуму на Острове? — низкий голос Дэна разрезал шум порта, пока он изучал недра открывшегося сейфа.

— Заявление девчонки об увольнении принято без лишних вопросов, — Борис шел на полшага позади. — Ян с Марком уже зачистили её цифровой след: документы с виртуальной подписью ушли в архив консорциума, а на звонок матери их система перехвата выдала сгенерированный голосовой автоответчик про горы. Женщина поверила. Ее больше никто не ищет, Волк. Ян гарантирует, что на Острове она теперь как призрак.

Дэн криво усмехнулся, доставая из сейфа тяжелый, запечатанный сургучом титановый кейс портовых шлюзов синдиката. Избавить мир от присутствия человека в двадцать первом веке оказалось пугающе просто — достаточно было переписать пару терабайт данных. Он со стальным лязгом захлопнул титановые шторки.

— Отлично. Кейс у нас.

— Готовить вертолет к вылету назад на Остров, Волк? — уточнил Борис, сверяясь с часами.

— Нет, — хладнокровно отрезал Дэн, хмуро глядя сквозь стену дождя в сторону залива. — Сначала едем на встречу к Медведю. Заберем портовые доли, пересчитаем маршруты. Задержимся на Материке до глубокой ночи.

Борис удивленно приподнял бровь:

— Вы дали этой девчонке слишком много времени наедине с базой. Вдруг она что-то удумает?

— Наружу выхода нет, — лениво отозвался Волк, закрывая за собой дверь внедорожника. — Периметр изолирован, а жилой сектор закрыт моим прямым приказом. Пусть бегает по пустым ярусам. Ей хватит этих нескольких часов, чтобы сломать зубы о бетон и полностью лишиться иллюзий. Ночью я вернусь и заберу то, что от них осталось.

Бронированный внедорожник сорвался с места, растворяясь в серой портовой дымке. Дэн сознательно запускал часовой механизм ее личного ада, уверенный в абсолютной безупречности своей системы.

Спустя сорок минут Дэн уже сидел в закрытом кабинете портового терминала на другом конце материковой промзоны, где его ждали двое единственных людей, которым он доверял собственную спину.

Огромный светловолосый Лекс — Медведь, чей разворот плеч едва умещался в широкое кожаное кресло, — молча разложил на столе портовые декларации на предстоящий рейс сухогруза «Посейдон». А на краю стола, лениво закинув ногу на ногу и крутя в пальцах зажигалку, устроился Вик — поджарый, с растрёпанными тёмно-рыжими волосами и вечной насмешливой искоркой в янтарно-карих глазах.

— Ну надо же, сам Волк снизошёл до грешной земли, — протянул Рысь, криво ухмыляясь и прищурившись на Дэна. — А мы с Медведем уже спорили, не пустил ли ты корни в свой гранитный утёс. Ян доложил, что ты там устроил карантин строгого режима — даже муха без твоего пароля к маяку не подлетит. Кого прячешь, брат?

— Не твоё дело, Рысь, — глухо, но без привычной ледяной жёсткости отрезал Дэн, принимая из рук Лекса папку с маршрутами. — Занимайся цифровым прикрытием «Посейдона». Если через неделю копы сунут нос в наши причалы, отвечать будешь головой.

— Скучный ты, Волк, никакой романтики, — хмыкнул Вик, но в его глазах тут же мелькнула серьёзная, хищная собранность. — Сервера вычищены до блеска, каналы на Остров перекрыты. Медведь берёт на себя погрузку, я — слепые зоны радаров. Возвращайся на свой маяк и выспись хоть раз за неделю, а то выглядишь так, будто сам этот сухогруз на плечах тащил.

Лекс коротко, весомо кивнул в знак согласия, пожимая руку Дэна своей огромной, тяжёлой ладонью. Триада снова работала как единый, смертоносный механизм — но даже они трое не подозревали, что за их спинами уже закладывается первая трещина.

***

В это же самое время гостиная и кухня встретили Юлиану тем же разочарованием — стерильный, пугающе холодный порядок. Джул лихорадочно прощупывала стыки мебели, надеясь отыскать хоть какую-то зацепку, но Дэн предусмотрел всё: оффлайн-сейф в стене надёжно скрывал любые опасные предметы, а в ящиках царила пустая, выверенная лаконичность. Желудок уже сводило от дикого, изматывающего голода, но страх оказаться отравленной был сильнее. Да и времени на еду не было — каждая минута была на счету. Пересилив себя, Джул лишь жадно припала прямо к крану, умывая бледное лицо ледяной водой и пытаясь унять сухость в горле. Сделав несколько глубоких глотков, чтобы хоть как-то обмануть пустой желудок, она бросила короткий взгляд в панорамное окно на тянущиеся по открытым прибрежным скалам старые опоры береговой линии электропередач — единственную ниточку связи маяка с цивилизацией, которая даже сейчас тревожно раскачивалась под порывами океанского ветра — и упрямо двинулась дальше.

День стремительно клонился к вечеру, а злость Джул постепенно сменялась глухим, давящим отчаянием. Превозмогая нарастающую боль, она принялась простукивать стены. Маяк был старым, вековым, и где-то под современной отделкой обязаны были сохраниться старые ходы или технические ниши. Шаг за шагом она обходила круглые коридоры ярусов, простукивая каждый камень, каждый стык панелей. Но глухой, плотный звук возвращал ей одну и ту же правду — вековая кладка была намертво залита современным армированным бетоном и укреплена изнутри стальными листами. Жилая зона была полностью отрезана от технических узлов и подвалов, куда вели лишь запертые наглухо герметичные люки. Туда, в темноту подземелья, Джул сунуться не могла.

К полуночи она была полностью истощена. Организм, лишённый нормального сна и еды вторые сутки, работал на чистом, сгорающем адреналине. Её широкие джинсы испачкались на коленях, пока она ползала по полу холла, исследовав дверные стыки. Ладони невыносимо ныли, а израненные о сталь костяшки пальцев покрылись свежими трещинами. Холод каменной башни, не согреваемый огнём, постепенно пробирался под её одежду, пропитывал кожу и выстуживал мысли. Поврежденная лодыжка превратилась в сплошной очаг боли — каждый шаг по винтовым ступеням отдавался в позвоночник острой, ослепляющей вспышкой. Но Джул упрямо шла вперед, подгоняемая тающим временем дедлайна.

В полном, оглушительном отчаянии, когда осознание абсолютной беспомощности окончательно придавило её к земле, Джул поднялась на самую вершину маяка — на смотровую площадку под стеклянным куполом.

Здесь, отрезанная от всего мира, она оказалась лицом к лицу со своей клеткой. Огромные панорамные стекла открывали вид на бескрайнее, темнеющее море, сливающееся на горизонте с черным ночным небом. Холодные, безразличные звезды мерцали над головой, словно насмехаясь над её земными бедами. Джул долго стояла, прижавшись лбом к тройному бронированному стеклу. Следы её отчаянной, безумной борьбы были повсюду: в стороне валялся тяжёлый дубовый стул, который она в приступе ярости со всей силы швырнула в окно — стул с грохотом отлетел, разлетевшись на щепки, а на безупречной поверхности стекла не осталось даже микроскопической царапины.

Слезы — горячие, горькие — сами покатились по её бледным щекам. Джул плакала тихо, отпуская всю ту ярость и гордость, которые питали её эти часы. Ловушка была идеальной. Выхода не существовало. Все её грандиозные планы на жизнь остались погребены за этими бронированными стеклами.

Обессилев от слез и нехватки сна, она медленно опустилась прямо на ледяной пол в углу площадки. Натянув на плечи шерстяной клетчатый плед, который она прихватила из кресла, и крепко обхватив колени руками, Джул попыталась сжаться в комок, чтобы согреться. Но холод скал уже пробрался внутрь. Её тело начало мелко, неуправляемо трясти, а в груди разгорался сухой, тяжелый жар. Колоссальное нервное истощение, голод, боль в ноге и пронизывающий сквозняк под куполом сделали своё дело — Джул разбила сильная, стремительная лихорадка. Её веки отяжелели, и она провалилась в тяжелый, полузабытый сон, лишенный картинок, полностью растворяясь в удушающем тумане болезни.

***

Дэн вернулся глубокой ночью, около трех часов. Беззвучно, как и всегда.

Тяжелый рёв лопастей его вертолета на мгновение разрезал ночную тишину Острова, когда машина пошла на посадку на верхнюю площадку скал. Дэн вошел в холл маяка, подсознательно готовый встретить её ледяной взгляд, очередную дерзкую выходку или хитрую пакость, которую эта девчонка могла придумать за часы свободы. Но башня встретила его гробовой, звенящей тишиной. Было слышно лишь, как часы в гостиной мерно отсчитывают секунды.

Он поднялся на третий ярус. Дубовая дверь её комнаты была распахнута, постель оставалась идеально заправленной, а в камине лежала лишь серая, холодная зола. Поднос с нетронутым утренним завтраком так и стоял на столе. В этот момент Дэн замер, и хищные узоры татуировок на его шее резко натянулись от подступившего, непривычного напряжения. В его груди ворохнулось острое, темное беспокойство. Куда она могла деться из этого запертого бункера?

Дэн быстро, целенаправленно начал прочесывать этаж за этажом, пока тяжелые шаги не привели его к узкой винтовой лестнице под самый купол. Он поднялся на смотровую площадку и замер.

В бледном, призрачном свете луны, пробивающемся сквозь стеклянный потолок, она выглядела пугающе хрупкой, почти невесомой. Маленький, беззащитный сверток в углу, закутанный в плед. Дэн бесшумно подошел ближе, его шаги скрадывал мрак. Он остановился над ней, опустив свой тяжелый, проницательный взгляд на её лицо.

Вся её былая дерзость, ледяная ненависть и яростный оскал, которым она защищалась от него утром, исчезли. В холодном лунном свете были отчетливо видны темные дорожки от слез на бледных щеках, припухшие веки и сбитые в кровь, покрытые темной коркой костяшки пальцев.

Дэн медленно опустился на одно колено прямо перед ней, сокращая расстояние до минимума. Его огромная ладонь, покрытая змеиной татуировкой, зависла в паре сантиметров от её

лица. Пальцы едва заметно дрогнули, словно он порывался стереть след от высохшей слезы с её щеки, но так и не решился коснуться, боясь разрушить этот хрупкий момент покоя.

На его жестких губах проступила едва заметная, победоносная полуулыбка хищника, который вернулся в свои владения и обнаружил, что добыча полностью обессилела. Он наклонился к самому её уху и произнес едва слышным, рокочущим шёпотом, полным тяжелой, собственнической иронии:

— Кажется, ты проиграла этот бой, лисичка…

В этот момент Джул судорожно вздохнула во сне и медленно приоткрыла свои зеленые лисьи глаза, мгновенно сталкиваясь взглядом с его пугающе близкими, мерцающими в темноте серебряными глазами.

Она открыла веки, но её взгляд — мутный, совершенно расфокусированный и пустой — скользнул по его лицу, словно сквозь плотную пелену тумана. В нём больше не было ни капли той утренней, яростной ненависти. Вообще ничего не осталось. Девушка сделала тяжелый, рваный вдох и просто закрыла глаза обратно, глуже зарываясь носом в складки пледа.

Дэн замер. Отсутствие какой-либо реакции на его появление — это был худший маркер. Эта девчонка скорее плюнула бы в него или сжалась от ужаса, но точно не закрыла бы глаза, полностью проигнорировав его присутствие. Здесь явно что-то шло не так.

Он протянул руку и уверенно коснулся ладонью её лба, чуть сдвигая в сторону спутавшиеся волосы. Кожа под его пальцами оказалась обжигающе горячей и сухой. Джул начало мелко, судорожно трясти от сильного озноба.

И в эту самую секунду пазл в голове Волка закрылся сокрушительным, жестоким щелчком. Он вспомнил этот неестественно яркий, лихорадочный огонек в её глазах во время их утреннего разговора. Он ведь видел его, зафиксировал, но его собственное эго сыграло с ним злую шутку — он списал всё на предел её эмоционального истощения и пик чистого отчаяния. Он не понял, что её тело начало гореть и сдаваться ещё тогда.

— Черт... — глухо и зло процедил он сквозь зубы.

Его идеальный, просчитанный план ломался о банальную человеческую хрупкость. Живой и здоровый «ресурс», который он решил сберечь от сырости подвалов, умудрился сжечь себя сам изнутри за какие-то полдня его отсутствия. Жестокий прагматик внутри него понимал: если она умрет сейчас от пневмонии или истощения, все его будущие комбинации полетят к чертям. Но где-то глубоко под забитым татуировками торсом ворочалось совсем другое, непривычное для него чувство — глухая, темная ярость на неё за то, что она так неосторожно с собой поступила, и острое, неодолимое желание это исправить.

Он резко поднялся на ноги, наклонился, без малейших усилий подхватил её обмякшее, горячее тело на руки и прижал к своей широкой груди. Юлиана казалась пугающе легкой.

Дэн замер на секунду, чувствуя, как её лихорадочный, прерывистый вдох обжигает ему шею, а безвольная голова беспомощно утыкается в его плечо. В бледном лунном свете его лицо на мгновение утратило свою непроницаемость. Он посмотрел на разбитый стул у бронированного окна, на её израненные руки и, переведя взгляд на бледное лицо Джул, глухо, почти неосознанно произнес в звенящую пустоту площадки:

— А ты умеешь менять правила игры, лисичка…

Тот, кто управлял жизнями тысяч людей, сейчас стоял один под стеклянным куполом маяка, бережно прижимая к себе обмякшее тело девчонки, и впервые в жизни чувствовал, как абсолютный, выверенный контроль ускользает сквозь пальцы.

Тяжелыми, быстрыми шагами он спускался по винтовой лестнице вниз, неся её в комнату на третьем ярусе. Его люди ещё не знали, что этой ночью все криминальные дела их босса будут отложены ради спасения одной случайной свидетельницы.

ГЛАВА 5

Тяжелая дубовая дверь на третьем ярусе распахнулась от резкого, глухого толчка. Дэн стремительно переступил порог комнаты и бережно, но крепко опустил пышущую жаром Юлиану на широкую постель.

Пока он нес её вниз со смотровой площадки по крутым, бесконечным ступеням винтовой лестницы, он кожей ощущал, как её лихорадочный, выжигающий изнутри жар пробивает плотную ткань его черной рубашки. Башня маяка отзывалась на каждый его шаг гулким каменным эхом, подчеркивая мертвую, звенящую пустоту этого места.

В помещении третьего яруса царил леденящий, почти осязаемый сквозняк. Дэн беглым, цепким взглядом обвел комнату, мгновенно считывая всю картину её бессмысленного дневного бунта. На столе так и стоял нетронутый утренний поднос с давно остывшей едой. Поленья у камина лежали нетронутыми. А когда он аккуратно опустил её на кровать, его взгляд зацепился за её широкие джинсы — она даже не попыталась их снять или просушить у огня, так и носилась в мокрой одежде по ледяным ярусам, пока деним не высох прямо на ней, покрывшись на коленях серой каменной пылью.

Внутри Волка глухо ворохнулось тяжелое, злющее раздражение. Какой бы смелой и отчаянной она ни пыталась казаться утром, бросая ему в лицо требования пристрелить её, эти мелкие детали с потрохами выдавали её внутренний, парализующий страх. Она боялась даже притронуться к еде, опасаясь подвоха. Она экономила каждую минуту, выстуживая себя в сырой после ночного ливня одежде, вместо того чтобы элементарно растопить камин, принять горячий душ и поесть. Дэн, как боец и стратег, терпеть не мог подобной тактической глупости. Чтобы выжить и победить в схватке, в первую очередь нужны физические силы и холодная голова, а не только голая бравада и упрямая гордость.

Джул слабо, едва слышно застонала от резкой смены положения. Её хрупкое тело, продолжало мелко и непрерывно бить в тисках жестокого озноба, а прерывистое горячечное дыхание с глухим свистом вырывалось из груди. Клетчатый шерстяной плед, в который она куталась на холодном полу смотровой площадки, соскользнул на постель. Дэн опустился перед кроватью на корточки, собираясь осмотреть её, и потянулся к её обуви, чтобы расшнуровать тяжёлые ботинки.

Как только он начал аккуратно стаскивать правый ботинок с её стопы, Джул даже сквозь плотную пелену бреда болезненно вскрикнула, судорожно вздрогнула и попыталась инстинктивно поджать под себя ногу.

Дэн нахмурился и мгновенно замер. Его движения тут же стали предельно осторожными, почти невесомыми, что совершенно не вязалось с его огромными ладонями. Он ослабил шнуровку до конца, максимально бережно освободил стопу, плавно стянул плотный носок и медленно подкатил штанину джинсов вверх, обнажая ногу до середины голени.

В тусклом, призрачном сиянии луны тонкая лодыжка Джул выглядела пугающе: сустав неестественно раздулся, а бледная кожа вокруг него налилась багрово-синей, тяжелой гематомой. То самое растяжение, которое она заработала, когда неудачно подвернула ногу на обломке кирпича, убегая от его людей. Её ноге просто нужен был покой на пару дней, и всё бы прошло. Но нет. Она не сидела ни минуты, делая только хуже, и через дикую, ослепляющую боль полдня без остановки металась по каменным лестницам и этажам его крепости. Она буквально стирала себя в порошок, полностью игнорируя физические страдания, лишь бы не сидеть на месте и доказать ему, что способна найти выход.

Дэн замер на несколько секунд, не отрывая взгляда от распухшей ноги. На его лице проступило глухое, опасное раздражение, смешанное с тяжелым, давящим удивлением. Эта девчонка поражала его своей маниакальной, почти пугающей выносливостью. Она была не просто

упрямой — она была безумной в своем сопротивлении. Мужчина жестко сжал зубы, подавляя вспышку непонятного, глухого гнева на её неосторожность к самой себе, и резко поднялся на ноги. Действовать нужно было хладнокровно, как на поле боя после зачистки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.